

БИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Александр Барков

ДЕНИС
ДАВЫДОВ

Александр Барков

Денис Давыдов

«ИТРК»

Барков А. С.

Денис Давыдов / А. С. Барков — «ИТРК»,

Поэт-гусар Денис Давыдов (1784 – 1839) уже при жизни стал легендой и русской армии, и русской поэзии. Адьютант Багратиона в военных походах 1807 – 1810 гг., командир Ахтырского гусарского полка в апреле – августе 1812 г., Денис Давыдов излагает Багратиону и Кутузову план боевых партизанских действий. Так начинается народная партизанская война, прославившая имя Дениса Давыдова. В эти годы из рук в руки передавались его стихотворные сатиры и пелись разудалые гусарские песни. С 1815 г. Денис Давыдов член «Арзамаса». Сам Пушкин считал его своим учителем в поэзии. Многолетняя дружба связывала его с Жуковским, Вяземским, Баратынским.

<роем><stanza><v>Не умрет твой стих могучий,</v><v>Достопамятно-живой,</v><v>Упоительный, кипучий,</v><v>И воинственно-летучий,</v><v>И разгульно удалой, —</v></stanza></роем>

писал о Давыдове Николай Языков. В историческом романе Александра Баркова воссозданы события ратной и поэтической судьбы Дениса Давыдова.

Содержание

Вместо предисловия	5
Денис Давыдов	8
Часть первая	8
Удалой	8
На званом обеде с графом Александром Васильевичем Суворовым	17
Руки вверх!	20
Краса Белокаменной и приволье Бородина	23
Часть вторая	31
Дерзкие творения юного кавалергарда	31
«Набег» на фельдмаршала Каменского	38
Боевое крещение	42
В пучине жарких сражений, в пылу яростных атак	46
О майн либе!	50
Зыбкий Тильзитский мир. Предсказание судьбы	55
Бонапарта. Близость военной грозы	
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Барков Денис Давыдов Исторический роман

Вместо предисловия

Год от года Россия всенародно и торжественно отмечает памятную и страдную дату, посвященную Великой Победе над фашистскими полчищами. И в этой жесточайшей по зверству и урону, причиненному нашей стране, бойне-войне на самых опасных участках, в самых рискованных операциях отличились партизаны. Они – и минеры, и саперы, и охотники «за языками», и разрушители коварных планов противника – словом, грозная, неразгаданная, смертоносная сила.

Недаром в первые дни Великой Отечественной поэт Михаил Спиров вдохновенно помянул подвиги знаменитого партизана Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова:

Он видит спаленные крыши,
Замерзшей реки берега,
Здесь в каждом сугробе отыщешь
Казацкою пикой врага...

Гусар и не думал, беспечный,
Мечтая всю ночь, до утра,
Что он оставляет на вечность
След сабли
И след от пера...

Денис Давыдов был знаменит и разносторонне талантлив: он прославился как видный поэт и первый партизан Отечественной войны 1812 года; бравый, не ведавший страха гусар и опытный стратег; авторитетный военный историк и прозаик; и вместе с тем страстный охотник, дамский угодник и острый на язык «председатель бесед» за шумным застольем.

В его друзьях и покровителях состояли Пушкин и Жуковский, Вяземский и Языков, Баратынский и Федор Глинка, а также видные полководцы – Багратион и Платов, Кульнев и Ермолов, Милорадович и Блюхер... Словом, его светлый образ бережно хранится в русском национальном сознании, а книги и ратные подвиги стали легендой нашей литературы и военной истории.

Жизнь и судьба Дениса Давыдова благодатны, привлекательны, но вместе с тем и очень трудны для воплощения в оригинальное художественное произведение. Трудны уже тем, что он сам как в стихах, так и в прозе, создал свой, неповторимый образ.

Для Александра Баркова жизнь и творчество Дениса Давыдова тема не новая. Им выпущены три книги рассказов о ратных подвигах поэта-гусара в центральных издательствах страны. Писатель владеет богатым материалом, который собирал в архивах и исторических изданиях исподволь, годами.

Роман построен таким образом, что в основе его оказались лишь главные, узловые эпизоды, где наиболее полно и ярко раскрывается характер Давыдова. Здесь наряду с военно-историческими документами: приказами командования, донесениями, рапортами и воспоминани-

ями современников, участников битв и сражений нашлось место и юмористическим сценкам, описаниям охот и уникальных, памятных уголков Москвы...

Как читатель, могу свидетельствовать, что роман читается легко, с нарастающим интересом, ибо в нем глазами художника слова достоверно отражена эпоха 1812 года, подвиги русских солдат, офицеров и великих полководцев.

Светлая память об этом замечательном времени будет переходить в России из рода в род, из века в век. И это весьма важно в наше смутное, напряженное, во многом американизированное время, когда на прилавках книжных магазинов продолжает преобладать «сырковая масса» зарубежного и отечественного детектива, порнуха и всевозможные популярные сборники, рассчитанные в первую очередь на обывателя.

Личность пламенного патриота и героя своего времени Дениса Давыдова в полную меру раскрылась в тяжелую и тревожную для России пору, когда на чашу весов легли судьбы народа и Родины, – в Отечественную войну 1812 года. Здесь как бы невольно попадаешь в Зимний дворец – Военную галерею 1812 года, – где роковые события столкнули Дениса Давыдова со знаменитыми сподвижниками: Кутузовым, Багратионом, Кульневым, Ермоловым, Платовым... Но обилие портретов полководцев и густота батального «фона» не заслоняют и не «растворяют» образа пламенного партизана, а как бы освещают его с разных сторон. На документальной основе воссозданы в романе характеры Суворова и Наполеона, Кульнева и Каменского... Это, несомненно, дало возможность Александру Баркову создать достоверное произведение. Сличая документы с текстом романа, убеждаешься, что автор не очередной компилятор-копиист, а исторический писатель, верно чувствующий и живо передающий былую эпоху.

На мой взгляд, удачно подобраны и стихотворные эпиграфы, помещенные в начале глав. Они вводят читателя в атмосферу Москвы, Петербурга, Парижа и как бы приоткрывают занавес на театре военных действий.

Другая линия романа, крепко переплетенная с ратной службой, – поэтическая. Почти все видные поэты первой трети XIX века горячо и вдохновенно воспевали партизанские подвиги, независимость и твердость характера певца-героя.

Прося своих друзей-литераторов написать (естественно, после смерти) правдивую «некрологию», Денис Давыдов обращается в письме к Н. М. Языкову: «Шутки в сторону, и не в похвальбу себе сказать, а я этого стою не как воин и поэт исключительно, но как один из самых поэтических лиц русской армии. Непристойно о себе так говорить, но это правда...»

В заключительных главах и в эпилоге романа Александр Барков подводит итоги ратной и литературной судьбы пламенного гусара: «Глядя прямо в глаза смерти на полях кровопролитных сражений и в дерзких партизанских налетах на врага, стойко перенося невзгоды судьбы, Давыдов не унижался и никогда не льстил начальству, свято и нерушимо веря до последних дней в Россию и в русский народ». Не потому ли столь пророчески звучат и по сей день пламенные слова партизана-героя об Отечественной войне: «Не разрушится ли, не развеется ли, не снесется ли прахом, с лица земли все, что ни повстречается, живого и неживого, на широком пути урагана, направленного в тыл неприятельской армии, первую в мире по своей храбрости, дисциплине и устройству! Еще Россия не поднималась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь поднимется».

Песни Дениса Давыдова заучивались в армии наизусть, пелись и звали солдат на доблестные ратные подвиги. В них – широта, удаль и непосредственность русской природы. Шлифуя год от года мастерство стиха, он стал одним из первых создателей русской военной песни. Здесь у Давыдова не было «ни поделльников, ни подражателей».

Бурцов, ёра, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради Бога и... арака

Посети домишко мой!

В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава Богу,
Не великий господин.

Он – гусар и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны куль овса.

Нет курильниц, может статья,
Зато трубка с табаком;
Нет картин, да заменяются
Ташкой с царским вензелем!

Роман Александра Баркова адресован в первую очередь молодежи, а также всем тем, кому дорога русская история.

Николай Старишинов,
лауреат Государственной премии России и премии имени А. Твардовского «Василий Теркин»
1996 г.

Денис Давыдов

Часть первая

Село Бородино – подмосковное имение Давыдовых. Фрагмент литографии по рисунку А. Адама. Начало XIX в.

Удалой

*Славы звучной и прекрасной
Два венка ты заслужил!
Знать, Суворов не напрасно
Грудь твою перекрестил.*

Николай Языков

Первопрестольная златоглавая столица поразила юного Дениса Давыдова музыкой и цветами, звоном бокалов и ослепительным сиянием жемчугов, буйством застолий и протяжным, надрывным воем метели за окнами.

Денис полюбил Москву. В особенности зимнюю, морозную, народную. Москву с ее рождественскими запахами снега, апельсинов и мокрых валенок. Москву праздничную, нарядную, с лихим бегом коней по укатанной обледенелой дороге.

В солнечные январские дни белоснежная скатерть на улицах столицы переливалась и сверкала камнями-самоцветами.

У подъездов – ковровые сани-розвальни, дуги с разудалыми бубенцами.

Как дивные колокольные перезвоны улаждали слух, поднимали наши взоры от суеты весной к небесам, так и картины далекого московского детства, от которого так и веяло счастьем и родиной, возвышали Дениса над буднями и запечатлелись в его памяти на долгие годы.

Все в Москве в ту пору было для него значительным, новым и дорогим. И буйно-зеленый с голубыми незабудками и бело-розовым клевером пустырь за забором, соединяющий редкую незатоптанную городскую землю с майским небом. И алый кумач рябин у крыльца, вспыхивающий под лучами закатного сентябрьского солнца подобно праздничному иконостасу. И особый винный запах осени, когда из сада веяло палым сухим листом и сизым горьковатым дымом костра. Долгим, полным восхищения взглядом провожал Денис клин журавлей в бездонном серо-синем московском небе. Птицы улетали и на своих могучих крыльях уносили в жаркие

края былое тепло знойного лета. Их протяжные и печальные крики «курлы, курлы, курлы», оброненные на землю, запали в его чуткую душу на всю жизнь.

Впоследствии Денис не раз вспоминал и писал об этой радостной и столь быстротечной поре светло и восторженно:

О юности моей гостеприимный кров!
О колыбель надежд и грез честолюбивых!
О кто, кто из твоих сынов
Зрел без восторгов горделивых
Красу реки твоей, волшебных берегов,
Твоих палат, твоих садов,
Твоих холмов красноречивых!

Усадьба Давыдовых – двухэтажный светло-розовый дом с обширным двором, садом, жилыми и хозяйственными постройками – располагалась в Москве на углу 3-го и 1-го Неопалимовских переулков.

В этом просторном доме, возле которого парят белые облака душистого отцветающего жасмина, нынче праздник. У хозяина – полковника Василия Денисовича Давыдова – родился сын. А назвали первенца Денисом в честь деда Дениса Васильевича Давыдова, просвещенного и знатного дворянина елизаветинских времен.

Сияет и приплясывает по блестящей паркетной зале, торжественно освещенной восковыми свечами, не скрывая переполнившей душу радости и гордости, Василий Денисович. Есть наследник! Значит, будет кому продолжить ратные дела и славные традиции рода Давыдовых.

Среди метрик церкви «Неопалимой Купины» записано в книге от 16 июля 1784 года¹: «Московского карабинерского полку у подполковника Василия Денисовича Давыдова родился сын Денисей, а окрещен того ж месяца 23 числа. Восприемник был бригадир (генерал-майор) Лев Денисович Давыдов, а восприемница генеральша вдова Александра Осиповна Щербинина». Итак, восприемниками Дениса были: дядя Л. Д. Давыдов – опаленный в жарких баталиях генерал – и бабушка со стороны матери.

Узы родства связывали Давыдовых со старинными дворянскими династиями Раевских, Каховских, Ермоловых...

Брата Дениса Евдокима, родившегося два года спустя после него, нарекли в честь другого, не менее знаменитого деда по материнской линии – генерал-аншефа Е. А. Щербинина. Далее появились на свет брат Лев и сестра Сашенька.

Неподалеку от Пречистенки, в Неопалимовских переулках, где располагалось Дворянское собрание, Денис прожил шесть лет.

Строжайшим правилом для Давыдовых – людей старорусского быта и долга – считалось беречь платье снову, а честь смолоду. А в 1790 году их родовитая семья, известная в первопрестольной столице гостеприимством и широким русским хлебосольством, переехала на патриархально аристократическую Пречистенку, в дом № 13. В ту пору Пречистенка славилась величественными особняками екатерининских вельмож. Причем каждый особняк пленял своей красотой и неповторимой архитектурой. Здесь стояло здание Генерального штаба с высокими белыми колоннами, тут находились Институт благородных девиц, учрежденный императрицей Екатериной, а на Девичьем поле – палаты университетских клиник. Среди деревянных домов выделялось красно-оранжевое строение пожарной части с высокой каланчой.

¹ День рождения Дениса Давыдова и все остальные даты даются в романе по старому стилю.

Улица эта, заложенная в XVI веке, вела к знаменитому Новодевичьему монастырю. Громадный позолоченный купол монастырского собора (во имя Смоленской иконы Божьей Матери) и зубчатые угловые башни просматривались издалека.

В 1791 году полковник Василий Денисович Давыдов получил назначение командовать Полтавским легкоконным полком. Вскоро Давыдовы с домочадцами заложили лошадей, простились с Белокаменной и покатали в Екатеринославскую губернию, туда, где стоял на квартирах полк. Тряслись несколько суток в повозке с малыми детьми, с бородатым кучером Пантелеем на козлах, с поваром, прислугой и целой горой домашнего скарба по пыльным и грязным дорогам под звон валдайских колокольчиков.

Денис не раз слышал из уст отца загадочные и таинственные слова: «днепровские кручи», «брега могучего Днепра» и перед взором впечатлительного мальчика батюшка-Днепр мчал свои бурные воды с безоглядной стремительностью. Вода отливала тусклым серебром, вскипала бурунами, широкие гривастые волны шумно бились о крутые берега, над которыми вставали глыбины скал, темнели страшные пропасти и пещеры. Однако романтические грезы Дениса развеялись, как дым от потухшего костра, когда он увидел тихую и покойную ширь Днепра, разливы на песчаных плесах да степь без конца и без края. А среди степи – села. Вдоль пологих берегов заросли ивняка, а по воде – зеленые кружева кувшинок. Выше, на холмах, на косогорах, лепились хатки под соломенными крышами, тонущие в белоснежной кипени вишневых садов.

В этих уникальных по своей дивной красе местах довелось впоследствии побывать великому Пушкину, вдоволь полюбоваться, как блещут доли, холмы, нивы, и запечатлеть все это в героической поэме «Полтава»:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады,
И старый замок озаряет.
И тихо, тихо все кругом...

Ветер колышет кроны деревьев, шепчется в листве, поднимает в небо стаи легкокрылых белых лепестков: видно, потому он и зовется в здешних местах вишнёвый. Взвихрившись, закружась метелицей, лепестки опускаются на зеркальную гладь воды, на дорогу, на крышу высокого деревянного дома. В нем-то и поселились Давыдовы.

Дом этот возвели по приказу князя Потемкина на днепровском холме с присущим подобным постройкам величием и размахом. Однако мастера торопились и делали работу на скорую руку, стараясь закончить ее ко времени путешествия Екатерины II. Государыня останавливалась в здешних местах несколько лет назад, по пути в Крым.

С виду дом выглядел большим и важным. Летом в нем витали запахи лака, столярного клея и пропеченной солнцем смолы; однако зимой и осенью здесь становилось холодно, сыро и неудобно. К тому же при ходьбе скрипели полы, повсюду гулко хлопали двери. Полковник Василий Денисович Давыдов прозвал дом театром. «Сплошной декорум! – ворчал он, зябко потирая руки. – Куда ни глянь – повсюду дыры, ветхость. Много надо обновить да перестроить». Однако его сыну Дениске дом-театр нравился: в нем легко прятаться от взрослых по углам, шкафам и комнатам, играть в разбойников, скакать на метле и носиться по скрипу-

чему паркету сломя голову. Полюбилось ему и живописное, затерянное в цветущих фруктовых садах украинское село Грушевка, близ которой разместился полковой кавалерийский лагерь.

Отец Дениса по долгу службы переезжал с места на место, с ним отправлялась и вся семья. Правда, мать, Елена Евдокимовна, частенько печалилась от столь непоседливой и беспокойной жизни, но Денису по душе было кочевье. Сколько вокруг удивительного и необычного: огни солдатских биваков, зов полковых труб, быстрые марши!..

А тут кавалерийский лагерь нежданно-негаданно облетело радостное известие: командующим войсками Екатеринославского корпуса назначен генерал-аншеф Александр Васильевич Суворов! Новость эту полтавцы встретили с ликованием. Полковник Давыдов приосанился и сказал торжествуя: «Велика честь!» – ведь имя Суворова было овеяно легендами.

Василий Денисович почитал прославленного на весь мир непобедимого полководца и сыновей своих старался воспитать в суворовском духе: спали они на жесткой постели, вставляли с первыми петухами, обливались холодной водой. Пуще всего на свете он опасался в детях лености и изнеженности, ибо эти недостатки, по его разумению, подобно ядовитым испарениям, прежде всего разрушают душу и тело. «Чем в жизни больше удобств и соблазнов, тем меньше силы и доблести», – говаривал полковник Давыдов.

Следуя моде, Елена Евдокимовна пригласила для воспитания детей француза Шарля Фремона. Однако Василий Денисович не больно-то доверял гувернеру: ему не раз приходилось видеть у себя в полку плоды подобного воспитания. Из дворянских детей вырастали русские французы, англичане, немцы. А полковник хотел, чтобы сыновья его стали истинными сынами Отечества, и потому приставил к ним дядькою могучего донского казака Филиппа Михайловича Ежова.

Казак Ежов, выслуживший к пятидесяти годам чин сотника (младшего офицера), участвовал во многих жарких и кровопролитных баталиях. За храбрость и доблесть он был награжден золотой Очаковской медалью.

Бывалый воин обучал детей верховой езде, обращению с саблей, ружьем, пикой. По праздникам он надевал парадный мундир и, заложив тройку резвых лошадей, возил барчуков в Херсон слушать музыку полкового оркестра. Он в подробностях рассказывал им про походы Румянцева и Потемкина, Репнина и Салтыкова, про битвы непобедимого Суворова. Картины былых сражений оживали перед глазами мальчиков.

Правда, характерами и вкусами братья мало походили друг на друга. Толстый, медлительный Евдоким предпочитал скачкам на лошади и фехтованию танцы и уроки французского языка. Денис же, напротив, был горяч и деятелен, метко стрелял из лука, доплывал на спор до середины Днепра. А с каким наслаждением слушал он рассказы Филиппа Михайловича Ежова о подвигах былинных русских богатырей Ильи Муромца и Добрыни Никитича! Дениса увлекали военные игры: отчаянные засады в тылу врага, внезапная яростная перестрелка, ночлеги в палатках у прибрежных костров. Сколько раз он по-пластунски подползал на животе к становищу неприятеля, кричал оглушительным «звериным» голосом, наводя на врага страх и обращал его в бегство.

Порой Денис становился невидимкой, проникал в лагерь противника, выведывал секреты или передавал другу пакет с ценными документами. Спасаясь от преследования, он с ловкостью кошки залезал на высокие корявые дубы, нырял с мостков в днепровские волны, проплывая под водой несколько сажень. А в самых опасных случаях засовывал два пальца в рот и оглушительным свистом подзывал своего верного друга – быстроногого донского скакуна. Кони, сабли, бой барабанов, звуки боевых труб, воинские команды: «Строй! Смир-но!» или «Сабли – в небо! Пики – вперевес!» – были на слуху Дениса с малых лет. Все это и заронило в его душу любовь к Отечеству. Зато светские манеры: поклоны, шарканье ножкой, учтивость, которые старался привить гувернер мсье Шарль Фремон, – ну, хоть убей! – никак не давались ему.

«С семилетнего возраста, – вспоминал впоследствии Давыдов, – я жил под солдатской палаткой. Забавы детства моего состояли в метании ружьем и в маршировке, а верх блаженства – в езде на казачьей лошади...»

Иной раз после жаркой схватки в овраге с другом и постоянным соперником Андрейкой, разгоряченный, перемазанный с ног до головы глиной Денис шумно вбегал в гостиную и кидался отцу на шею. Василий Денисович горячо любил своего первенца и поощрял его «воинские склонности».

Елена Евдокимовна в ужасе вздыхала, а Шарль Фремон безнадежно и печально разводил руками:

– О, этот мсье Ешофф! Он-таки уморит ребенка!

– Помилуйте, да какой он ребенок – ведь ему уже семь лет! Это треть мужчины! – возражал Фремону казак.

– Треть мужчины? Что такое треть мужчины? Да это же еще дитя, мсье Ешофф! А оно уже гарцует на лошади и прыгает на ней через... как это по-русски... ров... через забор!

– Просто резвый мальчик учится преодолевать преграды, коих немало он повстречает в жизни. Ведь Дениса, когда он подрастет, зачислят в состав кавалерийского полка, которым командует Василий Денисович. Он примет участие в учениях.

– Зачем полк?! Какие учения?! Мальчик очень может, как говорят у вас, в России, ломать собственный шея... если он будет и дальше слушать мсье Ешофф...

– Вы же знаете, такова воля Василия Денисовича! – сказала мать.

– Полковник желает, чтобы из Дениса вышел не недоросль, а настоящий воин. Как Суворов... – поддержал Елену Евдокимовну казак.

– Суфорофф не воин, мсье Ешофф. Суфорофф – знаменитый человек! – и Шарль Фремон поднял глаза к небу.

– Но знаменитым-то он стал не сразу, – резонно возразил французу донской казак. – Все началось с детства.

Однажды ночью Денис проснулся от свиста и топота копыт. Он распахнул настежь окно и увидел скачущих во весь опор всадников, смятые, опрокинутые палатки, спешащих куда-то с криками лакеев, кучеров, повара.

Денис бросился к своему дядьке Филиппу Михайловичу:

– Что там?

– Сказывают, – степенно отвечал казак, – батюшка наш Александр Васильевич только что приехали из Херсона.

– Неужто Суворов? – Денис несказанно обрадовался и чуть не полетел с подоконника – Где он? Где? Я так хочу его видеть!

– Горяч больно! – казак поддержал мальчика за локоть. – Охлонись! Этак и разбиться немудрено. В десяти верстах от нас остановились, в Стародубском лагере.

Денис хлопнул в ладоши:

– Да здравствует Суворов! Слава Суворову! – знаменитый полководец был его кумиром.

– Цыц! – Ежов нахмурил брови и погрозил ему пальцем. – Чумовой! Евдокима подымешь!

– Ну и что? Он тоже обрадуется!

– Цыц!

– А маневры когда?

– На утро смотр кавалерийским полкам назначен!

– Так уже скоро утро!

Денис снова громко ударил в ладоши, гикнул и собрался бежать вслед за конницей. Но крепкая рука казака подбросила его вверх и водворила в постель:

– Скоро, да не совсем. Так что поспи еще малость, неслух. Вот ужо достанется тебе от отца на орехи!

Денис покорно укрылся с головой одеялом, поворочался с боку на бок, но все же не выдержал, вскочил и шелкнул спящего Евдокима по носу. Не разобрав, в чем дело, брат захныкал и спрятал лицо в подушку.

– Евдошка, ты спишь?

– Дремлю. А что?

– Наш разговор слышал?

– Слышал, да в разум не взял.

– Как в разум не взял? Сам Суворов будет на маневрах.

При слове «Суворов» Евдоким оживился, ему тоже страх как захотелось взглянуть на прославленного полководца:

– Ну да?

– Вот те да!

– Знаешь что? – Евдоким сел на корточки и прошептал в самое ухо Денису: – Мсье Шарль сказывал, что Суворов с большой чудиной.

– Ну?! Да этот мсье Фремон сам того – большой фантазер.

– Вот те и ну! Недаром о Суворове ходя разные слухи. Он не выносит зеркал, не кланяется знатым вельможам, кукарекает.

– Ку-ка-ре-ка-ет? – удивился Денис. – Скажешь тоже. Зачем?

– А вот послушай. – Евдоким полуприкрыл глаза и таинственно произнес. – В полночь он выбежит из своей палатки нагой. Ударит в ладоши. Прокричит петухом «Ку-ка-ре-ку!» три раза.

– К чему это? Да еще петухом?

– Как к чему? Сигнал! Трубаچی затрубят генерал-марш. Войско примется седлать коней. Начнутся маневры!

– Врет он все, твой Шарль, – прервал его Денис. – Отец сказывал, что Суворов не терпит лени. Он встает с первыми петухами.

– С первыми петухами? – усомнился Евдоким. – Давай поспорим!

– Давай! Только на что?

– На сладкое за обедом.

– Давай, – согласился Денис. – По рукам!

– По рукам!

Братья порешили не смыкать глаз, ждать рассвета, но вскорости не выдержали и незаметно для себя один за другим крепко уснули.

Спору этому так и не суждено было окончиться, потому что Суворов нередко чудил, шутовал, однако подобного никогда не проделывал. Очевидно, то была одна из выдумок его многочисленных завистников и недоброжелателей из придворного круга. Слава Суворова не давала им покоя. На такую вот «удочку» и клюнул легковёрный француз.

Поутру дядька Ежов с трудом разбудил братьев:

– Па-а-адем! Аники-воины!

– А который час? – спросил Денис.

– Девять утра.

– Неужели маневры начались?

– Давно начались. Проспали Суворова! Он в шесть утра прискакал.

– Вот те на! Да как же теперь?

– Надобно с вечера ложиться спать, – усмехнулся Евдоким.

– Дело говоришь, милоч, – поддержал его казак. – А то шушукались-шушукались допоздна, вот рассвет-то и проворонили. Впредь неповадно будет! А впрочем, пожалуй, еще можете поспеть.

Меж тем кавалерийский полк Давыдова до рассвета выступил из лагеря. Наскоро перекусив, Денис и Евдоким вместе с матерью, которой тоже не терпелось посмотреть на знаменитого полководца, сели в коляску и пустились вслед за войском к Стародубскому лагерю, где проходили маневры. Но шутка ли поспеть за конницей, ведомой самим Суворовым. Издали, из-за широких покатых холмов, то и дело доносились свист и грохот. В облаках густой пыли бешено неслись эскадроны – попробуй здесь кого-либо разглядеть! Лишь порой в толпе любопытных, когда меж эскадронами, в гуле, свисте и топоте копыт скакал всадник в белой рубашке, раздавались крики: «Вот он! Вот он! Наш батюшка, граф Александр Васильевич!»

Однако братья так и не увидели своего кумира. Огорченные, попросив разрешения у матери, они пошли назад, к своему дому-театру.

Меж тем солнце уже поднялось высоко и палило нестерпимо. День выдался знойный. Мальчики обогнули густо поросшее рогозом озеро, спустились на дно оврага испить студеной воды из ключа и, наслаждаясь прохладой, забрели в лесок. Под ногами шелестит густая трава, на тугих стволах сосен шелушится в лучах солнца тонкая, румяная кожица, а над головами порхают и мелодично посвистывают, словно считают капель, пеночки.

В тенистом овраге без умолку кукует кукушка, мешает Денису сосредоточиться и выбрать укрытие для предстоящего сражения. Он остановился возле небольшой ямы у расщепленного молнией старого дуба, призадумался и вспомнил картинку, недавно виденную в военном журнале отца: на редут похоже.

– Глянь-ка, Евдоким! Здесь можно пушку ставить! – Денис прыгнул в яму, залег под дерево и приложил к плечу суковатую палку. – И видимость хороша, и укрытие есть!

– Где укрытие?

– Да вот же, яма глубокая.

– А пушка?

– Разве не видишь?

– Не-е-ет.

– Эх ты, Евдошка-картошка! Да вот же она, пушка, – разбитая телега. Оглобли – стволы. Колеса – лафеты.

– Куда ж ее ставить?

– Как куда? В укрытие, в яму.

– Пойдем-ка домой, Дениска.

– Зачем?

– Жарко больно. Уморился я.

– Разнюнился! «Жарко, уморился». А Суворову каково?

– Так я ж не Суворов.

– Знамо дело, что не Суворов. Но Суворов никогда бы не посмел унывать! Хочешь быть на него похожим?

– Зачем мне. Жаль только, что я из-за Суворова сладкое у тебя не выпорил!

– Да что там сладкое. Сладкое я тебе и так отдам. Только, чур, игра еще не окончена. Защищай-ка редут! Я нападаю!

– Эй, Дениска! Глянь-ка, всадники!

По опушке вилась одинокая тропа. И вдруг впереди, словно сквозь туман, Денис увидел всадников на конях. Вскорости казак пробежал, крича: «Скачет! Скачет!»

Сердце Дениса забилося часто, казалось, оно готово было выпрыгнуть из груди.

В нескольких саженьях от него скакал худощавый и стройный всадник на гнедом калмыцком коне. Из-под копыт легким дымком вздымалась пыль.

Белая, с расстегнутым воротом рубаха, солдатская каска, шпага, блестящая на солнце, светло-голубые глаза – все это показалось Денису знакомым.

Сухое, обветренное, запыленное лицо было мужественно и вдохновенно. Денис не заметил на полководце ни ленты, ни крестов, ни других знаков отличия. А когда взмыленный калмыцкий конь поравнялся с мальчиками и чуть было не проскакал мимо, держа путь к командирской палатке, тут адъютант и бессменный ординарец Суворова Тищенко, человек весьма сметливый и зоркий, ехавший следом, крикнул:

– Граф! Больно лихо вы скачете! Посмотрите вот дети полкового командира Василия Денисовича Давыдова!

Александр Васильевич резко осадил коня и повернулся к мальчикам:

– Хороши молодцы!

Тем временем полководца окружили приотставшие офицеры и адъютанты.

Суворов приветливо кивнул мальчикам и спросил хрипловатым голосом:

– А нуте-ка, братцы, покажите, как бравый солдат честь отдает!

Евдоким съезжился от испуга, опустил глаза и застыл на месте.

Коренастый, подтянутый Денис смело шагнул навстречу Суворову, вытянулся во фрунт, руки по швам, грудь колесом, подбородок приподнят, глаза сверкают. На миг замер, приложив ладонь к черным вьющимся волосам.

А. В. Суворов благословляет 9-летнего Дениса Давыдова на военное поприще. Рисунок А. Коцебу.

Александр Васильевич улыбнулся, вскинув тонкие брови.

– Хвалю за отвагу. Как же тебя зовут?

– Денис Давыдов.

– Ого! Слыхали? – Полководец многозначительно обвел свиту глазами. – Денис Давыдов! Только раз и навсегда запомни, Денис: к пустой голове не надлежит руку прикладывать! Ну а в остальном – все правильно. Где ж твоя шапка?

Денис покраснел, смутился:

– В бою утеряна.

– О, видно, жаркая баталия была! А ты, друг мой, любишь солдат?

– Я люблю графа Суворова! – не помня себя от счастья, одним духом выпалил Денис. – В нем все: и солдаты, и победа, и слава!

– О, помилуй Бог, какой удалой! – Суворов легко спрыгнул с коня. – Весь в отца! – И, как бы продолжая свою мысль, добавил: – Этот будет истинно военный человек. Помяните слово, я, чай, еще не умру, а Денис, глядишь, три сражения выиграет! А это кто? – Суворов указал на толстяка.

– Мой брат, Евдоким.

– Вижу, вижу. Уж больно Евдоким пухлый да розовощекий, прямо кровь с молоком. Что ж ты такой робкий, Евдоким? Бери пример с Дениса. Слышал пословицу «Без смелости сила попадает на вилы»?

– Я другую знаю, – стесняясь, ответил Евдоким.

– Нуте-ка, какую же? Сказывай!

– Сам не дерусь, а семерых не боюсь.

– Ого, брат, да ты, как погляжу, за словом в карман не лезешь! – усмехнулся Суворов. – По гражданской службе, считай, далеко пойдешь.

– Ваше сиятельство, а по утрам вы, по утрам, – Евдоким немного приободрился. – Как по утрам вы поднимаете войска?

– Как поднимаю? Да обыкновенно.

– Кукарекаете?

– Ну зачем мне кукарекать? – рассмеялся Суворов. – Я ведь не петух! Кстати, Евдоким, коль ты такой острый на язычок, скажи-ка, почему петух, когда поет, глаза закатывает?

– Н-н-не знаю...

– Да потому, что он все ноты наизусть выучил.

Свита полководца дружно рассмеялась.

– А про кукареканье-то кто тебе сказывал? – поинтересовался Александр Васильевич.

– Наш гувернер, мсье Шарль Фремон.

– И ты небось поверил французу и поспорил с Денисом, что я и вправду по утрам кукарекаю?

– Ага, поспорил. Откуда вы знаете?

– По глазам вижу. Небось на сладкое спорил...

– И это правда...

– Не горюй, получишь сладкое. В древние времена воины, уходя в дальние походы, наряду с оружием брали с собой не медовые пряники, а горький лук. Так вот я – воин. И Денис – будущий воин! Правильно я говорю?

– В точности так, ваше сиятельство.

– А что касается мсье Фремона, то я ему еще прокукарекаю!

На прощание Суворов протянул братьям руку для поцелуя, наклонился к Денису, слегка обнял его за плечи и перекрестил:

– Благословляю тебя на ратные подвиги! А теперь беги к своей матушке. Передай ей от меня поклон! – Александр Васильевич сел в седло, приосанился и крикнул: «Вперед!» – показав, как надо увлекать за собою солдат. С этими словами он прищпорил коня и поскакал дальше, сопровождаемый свитой.

– Ура! – Денис побежал вслед за Суворовым, но, вспомнив о матушке, замедлил шаг, свернул на боковую тропу и помчался вместе с братом к дому.

На крыльце сидел друг Дениса Андрейка, сын полкового егеря; сопя, вытаскивал из ноги занозу.

Возбужденный, запыхавшийся Денис выпалил:

– Послушай-ка, что я тебе расскажу...

Андрейка с недоверием глянул на него:

– Чего вздумал?

– Суворов! – крикнул Денис. – Мы с Евдокимом только что видели Суворова!

– Врешь! – ошеломленный Андрей мигом слетел с крыльца, позабыв про занозу. – Когда? Где?

– Там! – Денис махнул рукой на ближний лесок. – Он говорил со мной... Назвал удалым!

Встречу с великим Суворовым, которая произошла в раннем детстве, Давыдов считал счастливейшей в жизни и помнил до самой смерти.

На званом обеде с графом Александром Васильевичем Суворовым

*Я каюсь! Я гусар давно, всегда гусар,
И с проседью усов – все раб молодой привычки.
Люблю разгульный шум, умов, речей пожар
И громогласные шампанского оттычки.*
Денис Давыдов

После утреннего смотра войск Полтавского кавалерийского полка радостная весть облетела лагерь в Грушевке.

– Завтра, – торжественно объявил братьям за ужином дядька Филипп Михайлович Ежов, – пожелует к нам на обед сам батюшка граф Александр Васильевич!

Розовощекий Евдоким разинул от удивления рот, выронил ложку и словно прирос к стулу.

– Не может быть! – вскрикнул Денис.

– А вот еще как пожелует! – с твердостью в голосе повторил казак. – Управляйтесь-ка с творогом живо! Утро вечера мудренее!

И правда, сразу же после ужина весь огромный дом Давыдовых, стоявший неподалеку от села, наполнился невообразимым шумом и предпраздничной суетой. В комнатах чистили, скребли, подметали. На кухне разделявали рыбу. Спать не ложились до поздней ночи – готовились к приему высокого гостя. В доме знали, что Суворов был скромнен во всем, он не терпел роскоши и пышных приемов. Давыдовы же привыкли жить широко, как было принято в те годы во многих дворянских семьях. Поэтому прислуга, не теряя времени даром, стала выносить из комнат расписные ковры, мягкие пуховые кресла, дорогие картины в позолоченных рамах, зеркала.

К восьми вечера все было устроено как надлежало. В просторной гостиной установили большой круглый стол с постными закусками, с рюмками «благородного» размера и графином водки.

В столовой накрыли другой стол – длинный, на двадцать два прибора, опять-таки без малейших украшений, без фарфоровых кукол, столь модных в то время, без ваз с фруктами и вареньем. На белоснежной скатерти не ставили даже суповых чаш. Кушанья должны были подавать «с пылу, с жару», с кухонного огня. Хозяева знали, что так заведено у Суворова.

В отдельной горнице приготовили для полководца ванну – несколько ушатов с холодной водой, чистые простыни и одежду, которую накануне привез его расторопный ординарец Тищенко.

Маневры закончились в семь утра. Суворов в сопровождении одного из своих адъютантов первым прискакал в Грушевку. Без труда отыскал приметный издалика высокий и большой дом Давыдовых и быстрым шагом прошел вслед за Ежовым в специально отведенную для него горницу. Здесь полководец мог привести себя после бурных стремительных маневров и долгой езды по клубящейся пылью дороге в надлежащий порядок.

К крыльцу тем временем стали собираться званые гости: генералы, полковники, офицеры Полтавского полка, чиновники корпусного штаба... Все при полном параде.

Василий Денисович в полковничьем мундире и Елена Евдокимовна, одетая строго, со вкусом, держа маленькую дочку Сашеньку на руках, радушно приветствовали гостей и сопровождали их в гостиную. Возле хозяев стояли нарядно одетые дети – Денис, Евдоким и Лев, прифранченный по сему случаю мсье Фремон.

Гости приумолкли в ожидании полководца, который долго не выходил из горницы. Наконец двери распахнулись. Из крохотной горницы на залитый солнцем простор гостиной вышел улыбающийся Суворов. На нем был генерал-аншефский темно-синий, расшитый серебром мундир нараспашку. На груди сияли три алмазные звезды. По белому жилету – лента ордена святого Георгия 1-й степени.

Василий Денисович шагнул навстречу знатному гостю, представил ему жену, детей.

– Экую красавицу выбрал! – Суворов лукаво подмигнул Давыдову и расцеловал чуть покрасневшую и оттого необычайно похорошевшую Елену Евдокимовну в обе щеки. – Помнится, сударыня, с покойным батюшкой твоим, генералом Щербининым, дружбу водили. В жарких битвах не раз довелось нам вкусить пир штыков...

Суворов подошел к братьям, перекрестил их и дал им поцеловать руку.

– Ба! Да мы уж знакомы... – он по-отечески потрепал кудрявую голову Дениса и многозначительно повторил: – О, этот будет военным человеком! Чай, в отца.

Тут Василий Денисович взял у матери на руки трехлетнюю дочь:

– Вот наша кроха, Сашенька!

Суворов улыбнулся, легонько пожал ей тонкую ручку и поинтересовался:

– Что с тобою приключилось, моя голубушка? Отчего ты так худа и бледна?

– Лихорадка дочку замучила, – ответила Елена Евдокимовна.

– Вот как нехорошо! – Александр Васильевич покачал головой и нахмурился. – Помилуй Бог, как нехорошо! Надобно эту лихорадку хорошенько высечь розгами. Пусть-ка она уходит поскорей да и не возвращается к нам более... А Сашеньке теперь паче всего надобен свежий воздух... Поболее свежего воздуха, радости да веселия.

Сашенька, видно, не поняла слов знатного гостя, надула губки и громко, на весь дом, разрыдалась.

Мать поспешила забрать ее у мужа и отнесла в детскую.

А Суворов меж тем подошел к круглому столу в гостиной, налил рюмку водки, выпил ее единым духом и принялся плотно закусывать. Он ел так сладко и аппетитно, что смотреть было любо-дорого. Все заулыбались и последовали его примеру.

– А караси в сметане, голубушка Елена Евдокимовна, просто прелесть, – похвалил кушанья Александр Васильевич. – Как, мсье Фремон, нравятся вам русские караси в русской сметане?

– Русский карась, русский сметана – ко-ро-шо! – согласно закивал француз.

– Так-то, милостивый государь.

После чинной трапезы Александр Васильевич вновь завел речь о маневрах, а затем, хитро прищурившись, обратился к хозяину дома.

Нуте-ка, скажите мне, полковник Давыдов, отчего вы так тихо вели вторую линию во время атаки? Ведь вы же не Сашенька, у вас лихорадки нету? Так я полагаю?

– Нету, ваше сиятельство.

– Так что же мешкали, коль нету лихорадки? Я посылал к вам приказание прибавить скоку, а вы продолжали подвигаться не торопясь?

Василий Денисович Давыдов нимало не смутился внезапным вопросом полководца:

– Оттого, ваше сиятельство, что я не видел в том нужды.

– А почему так? – переспросил Суворов.

– От доброго обеда и к ужину останется...

– Ценю вашу находчивость, полковник! А ежели по-военному?

– Успех первой линии этого не требовал, она не переставала гнать неприятеля, – спокойно, с достоинством пояснил полковник Давыдов. – Вторая линия нужна была только для смены первой, когда та устанет от погони. Вот почему я берег лошадей, которым надлежало заменить выбившихся из сил.

– Резонно! А ежели бы неприятель ободрился и опрокинул первую линию? – спросил генерал-аншеф, и в глазах его вспыхнул дерзкий огонек. – Как действовал бы ваш полк?

– Такого быть не могло, – не растерявшись, смело парировал Давыдов, – ваше сиятельство были с нею!

– Ну и остер, полковник! Сметка в сражении – первое дело! – Суворов улыбнулся, слегка поморщился и перевел разговор на другую тему.

Отойдя к окну, он заговорил о саврасой калмыцкой лошади, любезно предоставленной ему на время маневров полковником Давыдовым.

– Взгляните, господа! Право, до чего хороша Стрела!

Полководец хвалил коня за легкость, резвость, смекалку, уверял, что никогда на подобном не ездил.

– Разве что... – тут Александр Васильевич на минуту смолк, призадумался. – Пожалуй, один только раз. Давненько то было. В сражении под Кослуджи.

– Как же, как же, – кивнул высокий статный генерал с глубоким шрамом поперек щеки, шагнув вперед. – Помнится, жаркая сеча была.

– Я ведь не всегда наступал, как думают иные. Всякое бывало. Так в сем сражении, – продолжал рассказ Суворов, время от времени поглядывая на гостей, – я был охвачен и преследуем турками долго. Немного зная турецкий язык, я слышал в криках за спиной, как янычары уговаривались меж собою не стрелять по мне, не рубить меня, а взять живым. Полоним, мол, Суворова! Видно, узнали меня. С тем намерением турки несколько раз настигали меня так близко, что почти руками хватали за куртку. Однако при каждом наскоке добрый конь меня выручал – пулей летел вперед. А гнавшиеся за мною турки отставали разом на несколько сажень. Наконец, чувствую, конь мой начал сдавать, устав от горячей погони, хотя и оторвался от янычар. Прискакал я в лесок ни жив ни мертв, с коня спрыгнул да и стеганул его хорошенько. Ужо прости меня за такую жестокость, мой верный конь! А сам под кустом схоронился. Конь же мой скрылся в чаще, сгинув с глаз янычар. Потом, вскорости, назад вернулся. И меня спас! Имя того верного коня век буду помнить! Орлик звали его. – Оглядев притихших гостей, Суворов обратился к замороженному его рассказом пылкому Денису: – Не правда ли, хорош был у меня конь?

– Очень даже хорош! Я ведь тоже люблю лошадей, Александр Васильевич!

– Молодец, Денис! – похвалил Суворов. – Еще пуще матушку свою люби. Отца чти. Отечество обороняй как зеницу ока ото всех недругов... Елена Евдокимовна, а что такое подали тому генералу?

– Перепелов, зажаренных в тесте, ваше сиятельство.

– Королевская еда! – усмехнувшись, воскликнул Суворов. – Но я ведь не король, голубушка, а простой русский солдат! Хотя и в чине генерала. В такой еде я проку не вижу. А вот мсье Фремон перепела в самый раз. Он ведь гурман. Верно я говорю, мсье Фремон?

– О, не знаю. Перепел кушал наш славный король...

– Вот именно! Король! Пе-ре-пел! Каково звучит!

Все дружно рассмеялись.

После обеда Суворов пробыл в гостеприимном доме Давыдовых около часа. На прощание он отдал приказ по итогам смотра кавалерийских маневров:

– Первый полк отличный! Второй полк хорош! Про третий умолчу. Четвертый же никуда не годится.

Здесь надлежит заметить, что первый номер принадлежал Полтавскому легкоконному полку, которым командовал Василий Денисович.

– Тищенко, коня! – распорядился Суворов.

– Конь готов, ваше сиятельство!

– Елена Евдокимовна, позвольте расцеловать вас, голубушка. Обед удался на славу! Полковника Давыдова поздравляю. Мсье Фремону – поклон за компанию и наше русское – ку-ка-ре-кууу! Евдоким, забирай-ка сладкое – я до него не охотник! А ты, Денис, служи Родине с честью, не посрами славной воинской династии Давыдовых. Люби солдата, а уж солдат тебя в бою не выдаст! Помяни мое слово...

В веселом расположении духа Суворов сел в коляску и отправился в лагерь, где находился полковой штаб, а затем далее в свою главную квартиру – в Херсон.

С того часа настроение солдат и офицеров Полтавского легкоконного полка сильно поднялось, ибо они преисполнились гордостью от столь высокой похвалы знаменитого полководца.

Мудрые изречения Суворова о ратном труде горячо полюбились юному Давыдову и стали путеводной звездой, которая помогала ему в самые трудные, роковые минуты жизни. Денис записал эти изречения в свой дневник и неоднократно поминал их при уместных случаях:

Мне солдат дороже себя.
Вся земля не стоит даже одной капли бесполезно пролитой крови.
С пленниками поступать человеколюбиво и стыдиться варварства.
Черты истинного героя:
смел без запальчивости;
скор без опрометчивости;
деятелен без легкомыслия;
подчинен без униженности;
победитель без тщеславия;
честолюбив без кичливости;
благороден без гордости;
непринужден без упрямства;
скромен без притворства;
целен без примеси;
услужлив без корыстолюбия.

В торжественный день званого обеда полковник Давыдов оставил себе на память о Суворове забытую им в Грушевке легкую курьерскую тележку. На ней Александр Васильевич пожаловал в полк из Стародубского лагеря.

Тележку Суворова Давыдов возил с собой с места на место повсюду и хранил долгие годы, словно священную реликвию. К сожалению, той знаменитой тележке полководца впоследствии была уготована печальная участь. Она сгорела в Бородине, подмосковном поместье Давыдовых, вместе с усадьбой, в огне и пыли одного из главных сражений двенадцатого года. Однако речь о Бородине впереди... А меж тем вещие слова и доброе расположение Суворова на всю жизнь запали в сердце юного Дениса и он с еще большим нетерпением стал горячо и страстно мечтать о военной службе.

Руки вверх!

*Давно ли, речка голубая,
Давно ли, ласковой волной
Мой челн привольно колыхая,
Владела ты, источник рая,
Моей блуждающей судьбой!*
Денис Давыдов

– Ищи! – крикнул Денис, и в ответ из ближнего леса донеслось протяжное:

– И-щи-и-и...

Голос плывет над кудрявыми серебристыми вязами, над шелковистым прибрежным лужком, над озерной ширью, теряясь далеко вдаль. Дневной жар еще курится над соломенными крышами хат, над пожелтевшей, мягкой от пыли дорогой.

Денис спрятался в кустах у дороги и замаскировался: попробуй теперь найди!

Всматриваясь в ряды стройных пирамидальных тополей, выстроившихся вдоль дороги, Денис представил себе шеренгу воинов-великанов, готовых ринуться в бой по первому его приказу. Пусть только покажется враг!

Тем часом сын полкового егеря Андрейка, пригибаясь к земле и оглядываясь, осторожно пробирался к опушке леса. Его рыжая голова то и дело мелькала в кустах, словно солнечный одуванчик.

По уговору достаточно было подкрасться и дотронуться до плеча противника, чтобы тот считался побежденным.

Андрейка полз по траве, прислушиваясь, замирая и чутко ловя звуки и малейшие шорохи. У дороги он решил залезть на тополь, чтобы получше разглядеть с высоты опушку леса: не спрятался ли там Дениска? С трудом дотянулся до вершинной ветки дерева, осмотрелся кругом: не покажется ли где белая рубашка?

Вдалеке змейкой вился дымок над крохотными белоснежными хатами. По пыльной дороге спокойно и грузно ступал могучий вол. Зеленовато-голубым цветом отливала вода в озере, по которому плыли малые островки, словно кулички пасхальные, все в горящих свечах – золоте цветущих купан. Заглядевшись на эту красу земную, Андрейка на миг позабыл про Дениса. Его внимание привлекли круги, внезапно возникшие на середине озера.

«Что там? – удивился Андрейка. – Неужто резвятся рыбы?» Он соскользнул с дерева и, на беду, разорвал о сухой острый сук штанину. «Семь бед – один ответ! – махнул рукой Андрейка. – У Дениски и вовсе рукав оторван». И, пригибаясь к земле, побежал к озеру.

Едва голые пятки мальчика коснулись воды, как кто-то хлопнул его по плечу.

– Стой! – раздался звонкий голос Дениса, появившегося внезапно, будто выросшего из-под земли. – Теперь ты мой пленник! Руки вверх!

– А ты... ты от... ку... да? – заикаясь от неожиданности, спросил Андрейка. – Там... на воде круги какие-то чудные. Сплываем, поглядим...

– Круги? – рассмеялся Денис. Он размахнулся и далеко бросил плоский камень-голыш вдоль озера, глядя, как он, проносясь пулей, скользнул и несколько раз вынырнул из воды, оставив на безмятежной глади круги. Лукаво подмигнул другу: – Военная хитрость!

«Хитрость!» – Андрей шмыгнул носом, поскреб с досады в затылке и, для острастки погрозив Денису кулаком, медленно поднял руки вверх...

А еще любил Денис разные загадки загадывать. Великое множество слышал он их от донского казака, своего мудрого дядьки Филиппа Михайловича Ежова.

– Сказывайте, что это за чудо-юдо? – спрашивал Денис.

Выпуча глаза, садит,
По-французски говорит,
По-блошьи прыгает,
По-человечьи плавает?

– Кто? Кто? – первым вскрикивает, догадавшись, Андрей. – Да это же наш гусь Тега!

– А вот и угодил пальцем в небо, – смеется Денис. – Разве Тега по-человечьи плавает? Да по-французски лопочет?

– Тогда кто ж еще?

– Думать надо. Это ж лягушка!

– А теперь ты сказывай! – грозит ему пальцем Андрей. – В озере по ночам ревом-ревет, а из озера нейдет?

– Ясное дело, – лукаво усмехается Денис. – Выпь... Ее водным быком кличут.

– Верно, – кивает Андрей.

– А теперь отгадайте-ка: что за птица? – прикрывает глаза Денис.

Шило – впереди,
Клубок – середи,
А ножницы – сзади?

– Небось воробей, – отвечает за всех Егорка.

– А вот и нет! – тербит его за густой вихор Денис. – Да это ж ласточка-касатка! Гляньте на ее хвост. Вилку увидите.

В ту пору Денис крепко увлекся верховой ездой. Он не чаял души в поджаром саврасом калмыцком коне с черной растрепанной гривой, том самом коне, на котором скакал на маневрах Александр Васильевич Суворов и коего он так горячо хвалил на званом обеде. Теперь же, когда полковая жизнь пошла своим будничным чередом, отец счел возможным уважить просьбу сына и отдал на его попечение своего любимца-коня. Денис ухаживал за Стрелой: расчесывал ей гриву, кормил отборным овсом, купал ее в озере. И не было для него радости слаще, чем мчаться на резвой Стреле по неоглядной ковыльной степи и слушать, как вдалеке казаки поют старые русские песни:

Ни травушка-ковылушка к земле клонится,
Государева армейюшка Богу молится;
Помолившись, наша армейюшка на конь садилася,
Закричали, загичали, сами на удар пошли,
На тую-то они на орду, на орду турецкую...
Они билися, рубились день до вечера,
Осеннюю темную ночушку до белой зари...

Про великого полководца батюшку-свет Суворова:

Ой, звезда она, звездочка вечерняя,
Да звезда она высоко поднималася,
Ой, да светила она, эта звездочка,
Да, осветила она поле чистое,
Ой, да во этом поле чистом
Да стоит она, вся белая палатка.
Ой, да во этой она белой палатке,
Да горит она, свечушка восковая,
Ой, да перед свечушкой он сидит,
Да садит-то сам он, батюшка Суворов.
Ой, да лебединым пером он все пишет,
Да все по белой бумаге он пишет,
Ой да думает, братцы, он думушку,
Да думает он свою думушку,
Ой, да как на заре-то ему, на зорюшке
Да на зорюшке-то утренней,
Ой, да как вести свою армейюшку,

Да все ту ли армеюшку русскую,
Ой, да вести ему на крепость турецкую...

Да про широкую степь дороженьку:

Ой, да не пролегивала
Вот и степь-дороженька, она не широкая,
Она не широкая —
Шириною она,
Эта степь-дороженька, она конца-краю нет.
Да никто-то, никто
По этой дорожуньке, никто пеш не хаживал.
Никто пеш не хаживал —
Только бегла по ней,
По той по дорожуньке, вот конь-лошадь добрая,
Вот конь-лошадь добрая;
Да и вся-то она,
Эта лошадь добрая, вот вся украшенная...

Эти вольные удалые песни, звучащие среди необъятной, духмяной и благодатной сельской тиши, горячо полюбили Денису и запали в его чуткую душу на долгие годы.

Не раз впоследствии он видел во сне утопающее в кипении белоснежных садов песенное село Грушевку, где поверху, на покатых холмах, в белых мазанках под соломенными крышами жили чубатые казаки.

Лица они смуглого да румяного. Волосы у них черные и темно-русые. Взгляда они острого. Смелы, хитры, остроумны, храбры, горды, самолюбивы, пронырливы и насмешливы.

Оружие их – ружья, пистолеты, копья, шашки и сабли.

Болезней казаки мало знают, большей частью смерть их настигает в бою с неприятелем да от старости.

Платье они носят парчовое, штофное и суконное, кафтан и полукафтан или бешмет. Штаны у них широкие, сапоги и шапки черкесские, опоясываются кушаками.

Волосы на голове вокруг постригают, ходят с бородами. А некоторые из них оставляют только усы, бороды бреют.

Жены у казаков лица круглого и румяного. Глаза у них темные, большие, собою они плотные и по большей части черноволосые. С чужестранцами неприветливы...

В опрятных горницах казаков висели на стенах острые сабли в ножнах с затейливыми узорами на потускневшем серебре. Не раз виделись ему и спокойные могучие волы с крепкими рогами, степенно бредущие по степи с водопоя...

Краса Белокаменной и приволье Бородина

*Как будто Диоген, с зажженным фонарем
Я по свету бродил, искавши человека,
И, сильно утвердась в намеренье моем,
В столицах потерял я лучшую часть века.*
Денис Давыдов

Полковник Василий Денисович Давыдов с семьей покинул в 1797 году благодатную, утопающую в зелени садов, звонкоголосую украинскую Грушевку и вернулся в Москву белокаменную; Москву, лепившуюся на холмах: посад к посад, то вкривь, то вкось; Москву, росшую

медленно и степенно, а не строившуюся по плану, разумно и помпезно, как гранитный, строгий, холодный Петербург; Москву шумную и хлебосольную, наполненную головокружительной сутолокой, надеждами, успехами и неудачами, весельем и грустью, роскошью и нищетой...

Денису в ту пору исполнилось тринадцать лет. Он бродил по ближним и дальним улицам, бульварам и площадям. Бегал по узким глухим закоулкам, где в иных местах не разъехаться встречным каретам, с палисадниками возле деревянных домов, с неожиданными тупиками, ветхими сараями и нескончаемыми заборами.

А сколько радости и восторга вызывали прогулки по кривым переулкам через Арбатскую площадь к рынку! Там он наблюдал простой люд. Мужики расхаживали в овчинных тулупах, с рукавицами, заткнутыми за пояс, в мохнатых шапках. Бабы повязывали головы длинными пестрыми шальями. Названия многих переулков казались Денису удивительными – Сивцев Вражек, Кисловский, Столовый, Хлебный, Скатертный, Староконюшенный...

Из окон просторного двухэтажного дома Давыдовых была видна дорога. По ней тянулись обозы, мчались тройки с ямщиками-песенниками. Кони разных мастей, гривастые, в нарядной сбруе с медным набором, телеги и сани со всяческими балясинами, расписные дуги... Ржанье лошадей и цокот копыт, запах дегтя, скрип телег, широкоплечие бородатые ямщики на козлах полюбили Денису и приводили его дух в сладостное и возвышенное состояние.

Что ни день, он открывал для себя чудесные уголки Белокаменной! Глядел и не мог наглядеться, налюбоваться на башни древнего Кремля, на золоченые маковки церквей, слушал прославленные на весь мир колокольные звоны...

В сереньком добротном пальтеце молодым проворным скворчком, легок, прозорлив и памятен, шагал он вдоль по Москве-матушке. В особенности манил Дениса центр столицы с Неглинной. Поражали его разнообразие и пестрота Охотного ряда, где в лавках пузатые купцы, величественно приосаниваясь, оглаживая усы и сивые окладистые бороды на груди, с шутками да прибаутками предлагали почтенной публике диковинные товары заморские – от кокосовых орехов до желтых африканских бананов, ароматные ананасы и тающие на языке фрукты в сахаре; расхваливали телятину, боровую и степную дичь, рыбу, мед, овощи...

– Гей-гой, выбирай народ честной!

– А вот вам орехи – девичьи потехи!

– Помните, господа хорошие! Лучше один рябчик в тарелке, чем десять на ветке!

– Глухарем можно досыта наестся, а от зайца еще и останется...

– Эй, теща дорогая, для потехи – грызи орехи!

– Ягода винная – еда дивная!

– Где пироги с грибами, там и кум с руками!

– Ох и хороша клюква с проборцем!

– Кулик не велик, а все-таки птица. Да еще какая сладкая!

– Тетерев бормочет, сойка сокочет, журавль курлычит; сорока, словно баба на базаре, тарандычит, а выпь, как пьяный мужик, ухает... берите дичь боровую, господа!

Заглядывал Денис и в распахнутые двери магазинов игрушек, где на полках красовались голубоглазые розовощекие куклы с льняными волосами, плюшевые медведи, лисы, серые в яблоках красавцы-кони, забавные фигурки из дерева... А на прилавках – прямо чудеса! Стоило крутнуть ручку шарманки, как миниатюрные дамы и кавалеры оживали, начинали двигаться, танцуя менуэт.

«Эй-гей! Держи влево!» или «Сто-ро-нись, задавлю!» – кричали ямщики в морозной дымке, восседая на козлах.

С разудалым посвистом неслись кареты по Большой Никитской – пар валил из ноздрей лошадей, поземка клубилась под копытами.

Манили Дениса румяные калачи над вывесками булочных и корзины со всевозможными яствами в витринах. Блестели в лучах полуденного зимнего солнца золотые купола церквей. По

праздникам столицу оглашали глубокие, перехватывающие дух, ранящие душу звоны больших колоколов.

Стоит Денис неподалеку от Новодевичьего монастыря, смотрит на громадный позолоченный купол монастырского собора и, затаив дыхание, слушает, как стонут колокола, как они гудят и радуются. Плачут колокола по усопшим, скорбят о вождях и воинах, убиенных на поле лютотой брани, в чуждадельней стороне. Что за сладкая, не передаваемая никакими словами мука, что за дивное трепетное томление слушать те волшебные, очищающие и возносящие душу к небесам малиновые звоны!

Ухают, гудят, ширятся звоны больших колоколов, постепенно вливаясь в единый, чарующий хор мелких звонниц всех сорока сороков знаменитых московских храмов.

На просторной набережной Москвы-реки собирались охотники до рысистого бега. Скачки начинались от Неглинного моста и заканчивались у Москворецкого, либо в селе Покровском, либо подальше – на Шаболовке. Потому что улицы Покровского, Старой Басманной и Шаболовки просторны и без ухабов. Резвых рысаков величали козырями.

Купцы ездили на козырях – легких козырных санках с русской упряжью.

По праздникам дебелие замужние дамы плавно, как павы, выходили на улицы в кокошниках, украшенных драгоценными камнями; шеи украшали жемчужные нити. Старые усаживались на скамьях возле домов и неспешно беседовали. «На молодых любо-дорого смотреть, – не раз говаривал Василий Денисович. – У них кровь горячая». Молодые катались на качелях и досках, на коньках по зеркальному льду реки и на салазках с высоких гор, водили хороводы да пели песни.

Вальяжно расхаживали по дощатым тротуарам знатные господа и одетые по последней моде столичные барышни.

Поразило Дениса и Замоскворечье с бокастыми купеческими лабазами, с резными затейливыми наличниками на окнах приземистых домов. Натужно скрипели кованые железом ворота, глухо-наглухо захлопывались к ночи дубовые ставни, и взлаивали с неистребимой яростью цепные псы во дворах.

Полюбились Денису раздольные московские гулянья! На площадях ставились шатры, именуемые в простонародье колоколами, и строились театры-балаганы, где разыгрывались комедии и тешили почтенную публику скоморохи. Запомнилось ему безудержное веселье, разноцветье и молодецкая удаль ярмарок Белокаменной: шумные и азартные лошадиные торги, танцы медведя с лисой, виртуозная игра на рожках тверских ямщиков, зов весны-красны соловьиным свистом, вихревая карусель под музыку, горы всевозможных товаров и яств, от которых ломились прилавки. Серебром и золотом отливают живая рыба в садках. Чернеют краснобровые тетерева-косачи. Снежно белеют куропатки. С переборами, удало звенит гармонь.

Цыгане снуют в толпах народа, стреляют острым вороньим глазом: где что плохо лежит. Держи крепче карманы! Кликуши, юродивые, странники... Под музыку старой надтреснутой скрипучей шарманки поют, причитают и пляшут нищие и слепцы.

Разноцветные афиши на столбах извещали о том, что дает представление бродячий цирк с косолапыми медведями, огненным фейерверком до небес, гремучими змеями и шпагоглотателями.

На масленицу народ толпами валил на Москву-реку, к Красным воротам и особенно на Неглинную. Широкие масленичные потехи шумели перед Кремлевским садом и на Трубе. На белоснежном просторе возводились неприступные крепости и горы, кипели удалые кулачные бои. Да и что за праздник в старину без кулачного боя! Кулачный бой – одна из любимых забав народных. Под старым Каменным или Троицким мостом на льду заснеженной Неглинной бились один на один. Прежде чем начать единоборство, кулачные бойцы выстраивались друг перед другом, обнимались и троекратно целовались.

Заслышав переливчатый свист, соперники, изготовившись, бросались в бой. И бились неистово, с криками. С первого разу уложить противника наземь, «снять с чистоты», случалось редко.

Крепкий мороз обжигал щеки и нос, вышибая слезу из глаз. Но Денису все было нипочем! Он любил лихо, так чтоб ветром сдувало с головы шапку, летать на салазках с крутых гор и до упаду хохотал над забавами ребятишек, которые с гиком и визгом скользили вниз на ледяшках, устраивая возле дороги кучу-малу.

Повсюду, будь то Тверская-Ямская или Арбат, Воздвиженка или Мясницкая, Охотный ряд или Поварская, Патриаршие пруды или же родная Пречистенка, – везде Дениса окружали радушные и лукавые, грешные, трогательные и святые, грустные и веселые, истинно московские нравы и обычаи. Повсюду слышалась особая московская речь, говор, выговор. На долгие годы запомнилось: «Москву, как Россию-матушку, не расскажешь, не объяснишь, а полюбишь...»

Примерно такой спустя годы увидел столицу великий, озаренный и восхищенный Пушкин и описал ее в одном из своих шутливых стихотворений – барскую столицу, удивительно падкую до всяческих перемен:

Разнообразной и живой
Москва пленяет красотой,
Старинной роскошью, пирами,
Невестами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты там на шумных вечерах
Увидишь важное безделье,
Жеманство в тонких кружевах,
И глупость в золотых очках,
И тяжелой знатности веселье,
И скуку, с картами в руках.

В Москве Денис продолжал занятия французским языком, танцами и рисованием с гувернерами из иностранцев. Среди залетных столичных учителей нередко обнаруживались случайные, а то и вовсе непригодные для занятий серьезными науками люди – бывшие лакеи, кучера, промотавшиеся картежные игроки и даже мелкие жулики. Недаром французский посол вынужден был чистосердечно признаться, что в Россию приезжало множество негодных французов, развратных женщин, искателей приключений, лакеев, которые ловким обращением и умением изъясняться скрывали свое звание и невежество. Любопытно и забавно было видеть, каких странных людей назначали учителями и наставниками детей в иных домах в столице и особенно внутри России. С горькой иронией помянет Давыдов впоследствии о плодах подобного воспитания в автобиографии: «Но как тогда учили! Натирали ребят наружным блеском, готовя их для удовольствий, а не для пользы общества: учили лепетать по-французски, танцевать, рисовать и музыке, тому же учился и Давыдов до тринадцатилетнего возраста».

В столице Денис познакомился и подружился с воспитанниками Благородного пансиона братьями Андреем и Александром Тургеневыми. Пансион был основан при Московском университете в 1779 году писателем Михаилом Матвеевичем Херасковым, как закрытое учебное заведение. Курс обучения продолжался в нем шесть лет. После успешного окончания пансиона многие его воспитанники поступали в университет.

Братья Тургеневы писали и печатали стихи в журналах, в том числе и в изданиях под редакцией Николая Михайловича Карамзина. Имя писателя Карамзина, будущего автора знаменитой «Истории государства Российского», в ту пору уже было известно в Москве.

Тургеневы указали Денису дорогу в первый русский альманах «Аонида», где сотрудничали видные писатели: Державин, Херасков, Капнист, Дмитриев, и ввели его в литературное общество, имевшее свой устав и библиотеку. При этом обществе издавался альманах «Утренняя заря». В нем публиковались стихи, рассказы и критические рецензии наиболее одаренных студентов университета и воспитанников пансиона.

На одном из вечеров «Дружеского литературного общества» (так именовали юные дарования свое собрание), Денис встретился с семнадцатилетним поэтом Василием Жуковским.

Стихи Жуковского пользовались успехом в столице. Знатоки и ценители словесности прочили ему славу одного из первых поэтов России.

Кипучая литературная Москва произвела сильное впечатление на юношу. Он стал взахлеб читать книги, журналы, увлекся изящной словесностью и даже сам вздумал сочинять стихи. Но занятие сие оказалось не из легких: сколько Денис ни бился, сколько ни грыз перьев и ни рвал листов бумаги, но так и не смог придать своим быстротечным мыслям и словам строгую форму.

Тогда он решил взяться за переводы.

Вот образец одного из первых стихотворных опытов Давыдова – переложения французской пасторали на русский лад:

Пастушка Лиза, потеряв
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхо повторило:
«О, милая овечка! Когда я думала, что ты меня
Завсегда будешь любить,
Увы, по сердцу моему судя,
Я не думала, что другу можно изменить!»

Хотя поэтические пробы пера Дениса оказались слабы и подражательны, впоследствии он приобрел широкую известность, как поэт-партизан, воспевавший в своих стихах и песнях походную жизнь, доблестные воинские подвиги и крепкую гусарскую дружбу. Недаром Пушкин, горячо любивший Давыдова, считавший его «отцом и командиром», «певцом и героем», посвятил ему такие пламенные строки:

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров,
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов...
Я слушаю тебя – и сердцем молодею,
Мне сладок жар твоих речей,
Поверь, я снова пламенею
Вспоминаньем прежних дней...

Однако ничто не вечно под луной: через год над безмятежной и хлебосольной московской жизнью Давыдовых внезапно грянул гром среди ясного неба. По негласному указанию царя Павла I была учреждена строгая внеочередная ревизия Полтавскому легкоконному полку. Причем, как выяснилось позднее, ревизоры действовали весьма пристрастно, они обнаружили

крупную недостачу казенных денег – сто тысяч рублей. Василий Денисович, будучи уже в чине бригадира, вынужден был подать в отставку. Для погашения долга ему пришлось заложить и распродать почти все свои родовые имения.

Уволившись из армии, отец Дениса купил поблизости от Москвы, в двенадцати верстах к западу от Можайска, небольшое село Бородино, где на холме высился крепкий, пятистенный, пахнувший хвоей и смолой барский дом.

Когда студеной зимой растапливали печи и из труб показывался легкий дымок, дом оживал среди пушистых, искрящихся снегов. А если налетал с полей стылый гулевой ветер, то заметенный по самым окнам сугробами, притихший барский дом пускал в небо из труб кудрявые дымы и, как бы отчалив от вечной пристани, плыл встречать ветру, точно белый пароход по широкой заснеженной реке...

Среди полей, лугов и холмов, которые пересекали речки и ручьи, в живописном, окруженном семеновским леском Бородине Денису жилось привольно и счастливо. Здесь он впервые страстно увлекся ружейной охотой: со стаями гончих рыскал по полям и болотам, порская – поощряя собак искать следы зверя, подбадривая их голосом: «Ах, давай!», «Ах, буди, буди!», хлопая арапником, он преследовал зайцев.

Однажды пастух Емельян, завидев издали барчука, лихо скачущего на донском коне, громко хлопнул кнутом и поманил его к себе:

– Здравия желаем, Денис Васильевич!

– День добрый! Есть ли новости?

– Неужто не слыхали, Денис Васильевич?

– Что?

– А то, что в нашей округе волки объявились.

– И давно?

– Сосед мой, Пашка Лукичев, сказывал: на прошлой неделе с десятков овец порезали...

– Откуда ж они пожаловали?

– Да, видать, с можайских лесов прибегли.

– Значит, говоришь, волки? – удивился Денис. Меж тем большие глаза его сверкнули дерзостью и отвагой. – А логово где?

– Знамо дело, – степенно ответил пастух и закурил сигарку. – Логово у них с давних пор в Гурьевом овраге. Давеча моя Аграфена туда по грибы ходила да серого супостата ненароком у сосны повстречала. Заголосила – и тикать. Чуть не померла со страху!

– В Гурьевом овраге, говоришь?.. – Денис спрыгнул с лошади, призадумался: «А что, если предпринять облаву да и разыскать логово?!»

Вскороости он зашел в избу к бывалому волчатнику, пасечнику Тимохе, поведал ему о волках и подбил его на охоту.

Тимоха посоветовал Денису взять с собой стаю гончих, а также прихватить крестьян и ребятишек. Ибо и для кричан-облавыщиков дело найдется. Рассказал ему об облавных охотах, обратил его внимание к осторожности, предостерег от беспорядочной и дальней стрельбы.

Еще с вечера в день осенней охоты в доме Давыдовых на «мужицкой половине», где размещалась молодецкая компания – пасечник Тимоха, крестьяне и их ребятишки, – царило оживление.

Бывалый волчатник Тимоха разбудил Дениса и его брата Евдокима потемну. Все собрались у крыльца. При зыбком свете свечей начали спешно снаряжаться на охоту.

Тимоха долго натягивал задубелые сапоги. Денис разыскивал куда-то запропастившийся в последний момент дробовик. Он перетянулся ремненным поясом, подвесил к нему острый охотничий нож. Тут же, на ходу, они пили из крынок молоко и закусывали ржаным хлебом с сыром.

Снарядившись, честная охотничья компания сбежала с крыльца и, вооружившись палками и вилами, направилась к заросшему лещиной, ольхой и малинником оврагу.

День за днем убывал август. Погода стояла отменная. Ясно и зябко было кругом, лист не шелохнет. Солнце еще не исходило. От реки медленно поднимался и стлался по земле густой туман. В воздухе витали еле уловимые запахи мяты и потаенной свежести.

У Тимохи на плече висело ружье. Денис с дробовиком брел чуть поодаль.

Облавыщики шли лугами, а затем поднялись на пригорок, откуда начинался лес. Невдалеке темнел Гурьев овраг.

Рыжий, поджарый, с рваным ухом гончак Соловей, приняввшись к траве, попетлял по кустам, взял след волка и дал знать голосом охотникам.

– Улю-лю-лю, о-го-го! Бери его! – подзадорил кобеля Тимоха и затрубил в рог.

За Соловьем бросилась вся стая. Пискляво заголосила Скрипка, почуяв красного зверя. Густым басом заревел Буран. Валом повалили гончаки.

Громко и зычно порскал и подбадривал собак бывалый волчатник.

Сонный утренний лес пробудился, застонал, завыл, заулюлюкал.

Гонцы стай пошли по волчьей тропе, петлявшей по сырым местам. Тропа увела их в чащу. Собаки бежали далеко, отбив от выводка и неотлучно преследуя матерых.

У кромки леса, возле пастушьего шалаша, где остановился пасечник Тимоха, уже сидели и стояли крестьяне, взрослые и ребятишки, все с дубинками, с колотушками.

Честная охотничья компания направилась к месту первого загона. По мере того как она продвигалась вперед, говор стихал, а когда подошли к густой, чуть тронутой желтизной лощине, шум разом смолк. Ребятишки изредка переговаривались шепотком. Облавыщики, разделившись на два крыла, разошлись в разные стороны и скрылись в лесу.

Линия стрелков, поставленная Тимофеем на лазах, вытянулась вдоль опушки. Каждый выбрал и занял здесь свое укромное место.

Разгоряченный Денис зорко поглядывал из-за ствола березы. Трудно передать словами то волнение и азарт, которые охватывают охотника, в особенности столь молодого и горячего, как Денис, да еще при первых призывных звуках начавшегося гона. Сердце Дениса забилося часто-часто, по телу пробежала неудержимая дрожь, и он, затаив дыхание, напряг слух и зрение, ожидая, что вот-вот из-за ближнего дерева или куста покажется голова лютого зверя. Меж тем на правом крыле загонщиков что-то стряслось, их голоса потонули в тиши. Денис смекнул: значит, они спустились в низину. Вдруг гул в стороне загона поднялся вдвое сильнее прежнего, крики и стукотня дубинками звучали все громче, яростнее. То были уже не слабые покрикивания, а густой, нарастающий рев. Порой среди гона выделялся резкий крик: «У-лю-лю! Вот он! Вот! Бей его! Бей!», «Ух, добери, добери его!»

Облава приближалась. Волнение охотников, притаившихся в кустах, за стволами, за валежинами вдоль опушки усиливалось с каждой минутой. Длиннохвостые лесные сплетницы-сороки, треща и покрикивая, перелетали с ветки на ветку. Но вот наступила тревожная перемолчка. Денису сначала показалось, что загонщики приустали, и даже подумалось: небось волки ушли. И тут внезапно он обомлел: справа от него прямо к тому месту, где схоронился за пнем Евдоким, бежали, перепрыгивая через мшистые кочки и кусты, два матерых зверя.

Сколь ни ждал Денис волков, но все же поразился спокойствию и внезапности их появления. Не мешкая, он тотчас же вскинул дробовик, прицелился и выстрелил в голову по ближайшему от него зверю. Серый широколобый, со стоячими, чуть направленными вперед ушами, матерый волчище взвизгнул и крутнулся на месте. Затем дрогнул и ткнулся остроносом мордой в высокую пожухлую траву. А другой хищник сиганул в кусты.

Денис от несказанной радости затрубил в рог.

Меж тем его брат Евдоким побледнел, дрожащей рукой выстрелил неловко вслед уходящему зверю и – промахнулся.

Вдогон волку один за другим прогремели выстрелы. Но было уже поздно. Зверь, целый и невредимый, скрылся из глаз.

– С полем, Денис Васильевич! – поздравили его охотники.

Удалой стрелок спустился в низину, побрел к ручью и приметил на краю оврага возле вывернутой с корнями громадной ели обглоданную кость и куриные перья. И тут два большеголовых волчонка мелькнули в кустах и скрылись под выворотнем.

Денис во весь дух пустился к Тимохе и горячо поведал ему и ребятишкам о логове.

Захватив с собой вилы и палки, они вскорости окружили волчий «дом». Пасечник прикрыл вход под выворотнем сермяжным мешком. А потом, сноровисто работая вилами, выкапывал оттуда одного за другим пять волчат.

– Ну что, барин, порешим чертово племя? – спросил он Дениса, а сам тем временем крепко-накрепко завязал мешок, чтобы волчата не убежали.

– Нет, Тимофей, мне их жаль. Пускай до поры у нас в сараюхе поживут. Отец их в Москву свезет. Сказывают, там нынче волки в цене.

С той памятной охоты Денис с егерями, крестьянами и ребятишками не раз участвовал в облавах на волков. Вихревая скачка на коне, смекалка и меткая стрельба из дробовика – все эти охотничьи навыки, позволявшие чувствовать себя храбрым и сильным, словом, победителем, ой какгодились ему потом в ратном деле.

Вечерами при свечах он допоздна зачитывался книгами из библиотеки отца по военной истории. Знаменитый Итальянский поход Суворова и неслыханный по смелости и отваге переход через Альпы в Швейцарию прославили русского полководца на всю Европу. Денно и ночью Денис грезил о военной службе.

Часть вторая

Атака Я. П. Кульнева. Литография.

Дерзкие творения юного кавалергарда

*Ужасен меч его Отечества врагам —
Ужаснее перо надменным дуракам!*

Федор Толстой

Словно стайка быстрокрылых голубых стрекоз над рекой, пронесли солнечные, резвые и беспечные детские годы Дениса. Настала юность. Следуя заветам Суворова, он избрал себе военное поприще. Семнадцати лет от роду, в 1801 году, Денис простился с отчим кровом в Москве. Отец и матушка благословили сына на прощанье и снарядили кибитку с тройкою гнедых коней и бородатым кучером Пантелеем на козлах. Родители дали Денису с собой четыреста рублей ассигнациями и отправили в Петербург на военную службу. Там он намеревался поступить в самый блестящий придворный полк конной гвардии – кавалергардский.

На всю жизнь запомнились Денису кони: гордые, вихревые, сильные, с бурыми подпалами в паху, маха широкого. Норовисто храпят, метят укусить – держи ухо востро! А у одного коня, Ястреба, черный, налитой кровью глаз навывкате.

Песни дорожные, известно, длинные, заунывные, ветровые. Затягивал их Пантелей в пути не торопясь, вполголоса. В особенности мила была ему протяжная ямщицкая «Лучинушка»:

– Лучинушка, лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, в печи не была?

– Я была в печи вчерашней ночи,
Лихая свекровушка воду пролила,
Воду пролила, меня залила...

Начиналась «Лучинушка» грустью да сердечной тоской, а заканчивалась удалым разгулем да радостью от встречи с любимым.

Из-за малого роста зачисление в гвардию в северной столице прошло с трудностями. Родственникам пришлось пообивать пороги, похлопотать. Но, несмотря на преграды и огорчения, столь желанная военная служба забрезжила на горизонте в розовой дымке.

Бросившееся в глаза в утренней газете сообщение в траурной рамке о внезапной смерти после апоплексического удара известного всему городу шумными кутежами графа, погасило было на мгновение доброе настроение Дениса. И все же пылкому юному воображению рисовалась быстрая военная карьера, воистину головокружительная, полная волнующих обольщений и встреч, балов, восторгов, надежд. Полюбовавшись игрой солнечных лучей на заснеженной набережной Невы, ликующий Денис, в новеньком, с иголки, мундире гвардейца, решил провести своих петербургских родственников.

Первый визит новоиспеченный кавалергард нанес двоюродному брату и покровителю Александру Михайловичу Каховскому. С крепкой воинской закалкой, широко образованный офицер служил прежде в адъютантах у Суворова и проживал на Галерной. Однако вместо горячего поздравления с поступлением на действительную службу эстандарт-юнкером восторженный юноша, ценивший брата за «необыкновенно острый ум», услышал от него такие слова:

– Что за солдат, брат Денис, – говорил, едко посмеиваясь, Каховский, – который не надеется быть фельдмаршалом! А как тебе снести звание это, когда ты не знаешь даже того, что необходимо знать штаб-офицеру?

Сперва Денис вспыхнул, обиделся, но с покорностью выслушал справедливые суждения брата о трудностях ратной службы. Расстались родственники прохладно.

Слова Каховского больно задели самолюбие юноши, однако вскоре он осознал, что и впрямь недостаточно образован для высокого звания офицера. И сразу же принялся восполнять сей пробел: накопил уйму книг, особое внимание обращая на любимую им военную историю, а также фортификацию и картографию. Денис продолжил заниматься французским языком, которому в детстве обучал его незабвенный мсье Шарль Фремон. Увлечшись литературой, с интересом читал Ломоносова, Державина, Мольера, Шекспира, Буало... С тех пор книги сделались его верными друзьями, а чтение – насущной потребностью и страстью на всю жизнь.

Поначалу Денису нелегко пришлось в армии. По его собственному признанию, частенько надо было потуже затягивать ремень, хлебать пресные щи да жевать картошку. Ежедневная муштра и аресты выбивали его, как говорится, из седла, но ненадолго.

Шутливо и с горькой иронией вспоминал он в автобиографии первый и такой знаменательный день своей воинской службы в придворной кавалергардии среди сынков знатных и богатых вельмож, означенный 28 сентября 1801 года.

В этот день «...привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище поэтического его гения мукою и треугольной шляпою...»

Промыкав год юнкером, Давыдов получил звание корнета. Жалование ему начислили весьма скромное – около трехсот рублей в год. Ни о какой парадной одежде и богатых пирушках с друзьями Денис и мечтать не мог. Впоследствии Давыдов писал своему закадычному другу, поэту Петру Вяземскому, что с юности он «ненавидел этот гранитный северный град», ибо в нем подавлялись любые пламенные порывы. Недаром сложилась пословица: в строгом холодном Петербурге – съежишься, а в утробной Москве – размякнешь! Но как бы круто ни приходилось, свою воинскую службу он нес с честью, исправно дежурил в карауле близ императорских покоев Зимнего дворца и неизменно пользовался у офицеров доброй репутацией.

В кавалергардском полку Давыдов выкраивал свободные минуты для «бесед с музами». На нарах ли солдатских, на столике у окна, в эскадронной конюшне, да и где придется, «писывал он сатиры и эпиграммы, коими начал словесное поприще свое». Широкую известность получили его басни. «Река и Зеркало», «Голова и Ноги», «Сон», «Орлица, Турухтан и Тетерев». Они отличались злободневностью и необычайной смелостью, передавались в списках из рук в руки, зачитывались.

В басне «Голова и Ноги» под уставшими, натруженными Ногами разумелось служивое дворянство, а под сумасбродной Головой царь:

Уставши бегать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
«За что мы у тебя под властью такой,
Что целый век должны тебе одной повиноваться...»

Столь внезапный выпад «невольников» разгневал Голову, и она тут же пресекла «дерзких»:

«Молчите, дерзкие, – им Голова сказала, —
Иль силою я вас заставляю замолчать!..
Как смеете вы бунтовать,
Когда природой нам дано повелевать?»

В конце басни Ноги «деликатно» предупреждают Голову:

«Да, между нами ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись, – как же быть, —
Твое Величество об корень расшибить...»

Иными словами, если царь будет «управлять» по своему произволу, то дворяне могут его в любой момент низвергнуть.

В 1801 году заговорщики-офицеры ночью проникли в Михайловский замок в Петербурге и задушили Павла I, страстного поборника прусских порядков.

С молниеносной быстротой басня распространилась в списках по Петербургу и наделала там много шума. Офицеры ожидали реформ от нового монарха и надеялись на возврат суворовских порядков в армии...

Юный кавалергард развенчивал и клеймил в баснях и эпиграммах спесь и самодурство, ложь и лицемерие, воспевал истинных героев Отечества, добывавших славу кровью и потом на поле брани. «Все пьесы его в этом роде замечательны особенным характером, какою-то бойкостью, живостью и резвостью краткой речи, меткостью насмешки, ничем не подслащенной. Сатирические приемы его не разводятся даже в аттической соли, а даются пополам с перцем или посылаются, как ружейные выстрелы, с порохом и дробью: они жгут и бьют. От них глупость краснеет. Эпиграммы его имеют по тону своему сходство с эпиграммами Пушкина, который, так же, как и Давыдов, оставлял в стороне деликатность там, где надобно было поразить глупость или подлость», – писал в «Отечественных записках» литературный критик Галахов.

Поводом к созданию басни «Орлица, Турухтан и Тетерев» послужила немилость Александра I к мудрому и дальновидному полководцу, соратнику и другу Суворова, Михаилу Илларионовичу Кутузову. Царь не замедлил дать ему отставку от всех должностей, сославшись на необходимость поправки сильно пошатнувшегося здоровья фельдмаршала.

Действие своих разительных «стрел» Давыдов перенес в мир пернатых. Под Орлицей разумелась справедливая и просвещенная Екатерина II.

Орлица
Царица
Над стадом птиц была,
Любила истину, щедроты изливала,
Неправду, клевету с престола презирала.
За то премудрою из птиц она слыла...

Екатерина II противопоставлялась восшедшему после ее кончины на престол «птичьего царства» Турухтану – Павлу I.

А он —
Лишь шаг на трон,
То хищной тварью всей себя и окружил:
Сычей, сорок, ворон – в павлины нарядил,
И с сею сволочью он тем лишь забавлялся,
Что доброй дичью всей без милости ругался:
Кого велит до смерти заклевать,
Кого в леса дальнейшие сослать,
Кого велит терзать сорокопугу —
И всякую минуту
Несчастья каждый ждал...

В басне все происходило в соответствии с недавним дворцовым переворотом. После убийства Турухтана на «птичий трон» взлетел глуховатый Тетерев – Александр I.

И все согласно захотели,
Чтоб Тетерев был царь.
Хоть он глухая тварь,
Хоть он разиня бестолковый,
Хоть всякому стрелку подарок он готовый, —
Но все в надежде той,
Что Тетерев глухой
Пойдет стезей Орлицы...
Ошиблись бедны птицы!
Глухарь безумный их —
Скупяга из скупых,
Не царствует – корпит над скопленной добычью
И управлять другим несчастной отдал дичью.

Неспроста за царем Александром I припечаталась кличка – «Глухой Тетерев». Заканчивалась басня весьма недвусмысленно:

Ведь выбор без ума урок вам дал таков:
Не выбирать в цари ни злых, ни добрых петухов.

Один из списков этой басни, сделанный А. Т. Болотовым, был сопровожден таким весьма резким примечанием: «Сие хотя ловко сочиненное, но дерзкое и ядом и злостью дышащее и сожжения достойное стихосплетение пошло в народе в начале 1805 года. О сочинителе всеоб-

щая молва носилась, что был он некто г. Давыдов, человек острый, молодой, но привыкнувший к таковым злословиям».

В сатире «Сон» «воспеты» люди, в поступках и делах которых внезапно проявились невиданные дотоле добродетели. К сожалению, сия разительная и «счастливая перемена» оказалась всего-навсего сном.

Во всем счастливая явилась перемена,
Исчезло воровство, грабительство, измена,
Не видно более ни жалоб, ни обид,
Ну, словом, город взял совсем противный вид

.....

И все, что видел я, чем столько веселился —
Все видел я во сне, всего со сном лишился.

Сатиры и басни Давыдова, ходившие в списках, наделали неслыханный шум не только в Петербурге, но и далеко за его пределами.

Высшее начальство, ознакомившись с «дерзкими творениями» поэта-кавалергарда, тотчас же вспылало гневом: «Сочинитель – волнодумец! Подстрекатель к бунту!». 13 сентября 1804 года «за оскорбление почтенных особ» Давыдова исключили по строжайшему приказу царя из гвардии. Из Петербурга его перевели в армейский Белорусский гусарский полк. Полк этот располагался в захолустном местечке Звенигородки Киевской губернии. В те годы подобная ссылка давалась офицерам за весьма серьезные проступки.

С тревогой и грустью прощался он с Петербургом, со своим мятежным и вольнодумным братом Александром Каховским, с друзьями-кавалергардами и отправлялся в дальний путь, чтобы продолжить службу в провинции.

По, как говорится, нет худа без добра. Вопреки тяжким предчувствиям гусары встретили молодого смутяна весьма радушно.

Первым делом по приезде Давыдов представился полковому начальству, а затем решил написать письмо матушке в Москву. Внезапно в дверь громко постучали и в комнату вбежал гусарский поручик. Одет он был небрежно: кивер задран на макушку, ментик чудом держался на плече. Зато пшеничные усы – краса гусара – были лихо закручены вверх. Голубоглазый офицер шагнул к столу, за которым сидел Давыдов, подмигнул ему как старому другу и неприужденно спросил:

– Стихи пописываешь? – и тут же протянул ему руку. – Будет дуться... Давай знакомиться. Поручик Алексей Бурцов!

Денису еще в Петербурге довелось слышать от офицера Шинкарева о гусаре Бурцове, как об одном из самых лихих, бравирующих своей удалью людей.

– Постой-постой, да я о твоих «подвигах» наслышан, – припомнил и широко улыбнулся Давыдов.

– Да и мы ведь не лыком шиты. Мы тоже о тебе кое-что знаем, – в свою очередь признался Бурцов. – Гусарам в нашем полку пришлось по душе твои песни да басни. Ведь тебя и «прикомандировали-то» к нам неспроста.

Тут Бурцов отошел к двери, преобразился и начал громко декламировать первые пришедшие на память строки из басни «Река и Зеркало»:

За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей, – деспот

Вельможу осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот...

– Ну да будет! – Давыдов резко оборвал гусара. – Помни и знай наперед: отныне я зарекся писать стихи. Не до них мне...

– Не больно-то горюй! – стал успокаивать его Бурцов. – У нас тут дух вольный, не то что у ваших, подпирающих потолки кавалергардов. Мазурку на балах пляшем, веселимся через край, голубой пламень пунша рекой катится...

– Да ты, как я погляжу, и впрямь буйный!

Вскороги Денис с головой окунулся в разудалую гусарскую жизнь и так поминал в автобиографии о сих веселых беспечных деньках: «... Молодой гусарский ротмистр закрутил усы, покачнул кивер на ухо, затянулся, натянулся и пустился плясать мазурку до упаду».

Давыдов крепко сдружился с отчаянным рубахой, кутилой, острословом и полковым донжуаном Алексеем Бурцовым.

Длинная трубка в зубах; ментик, чудом держащийся на макушке, закрученные колечками усы, цветастая своевольная речь и непредсказуемые, полные риска поступки Алексея прямо-таки очаровали Давыдова. Бурцов на скаку срезал саблей цветок с земли, мог вызвать на дуэль любого зарвавшегося хвастуна, выпить на спор две бутылки доброй горилки или переманить от увальня-жениха красавицу-невесту. В честь гусарского поручика он сочинил разудалые «залетные послания»:

Бурцов, ты – гусар гусаров!
Ты на ухарском коне
Жесточайший из угаров
И наездник на войне!..

Послания эти пелись повсюду под гитару и пользовались у офицеров громадным успехом. Они-то, пожалуй, одарили гусара-поэта славой не меньшей, чем его хлесткие басни и эпиграммы. «Каждый молодой офицер воображал себя Бурцовым, – вспоминал позднее современник Давыдова. – И стремился во всем подражать гусарскому поручику...» Не прекращая крепкой дружбы с музами, ротмистр Давыдов писал стихи и песни, прославлявшие вольную жизнь и подвиги гусар.

Весел, буен и беспечен гусар лишь в мирные дни, а завтра, если грянет война, ему будет не до вина, не до гульбы:

Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят...

Поэт призывает воина на «иной пир»:

... Но чу! Гулять не время!
К коням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон – и в сечу! Вот
Пир иной нам Бог дает,
Пир зазорней, удалее,
И шумней, и веселее...
Ну-ка, кивер набекрень,

И – ура! Счастливый день!

Для стихов и песен Давыдова характерна внезапная, решительная перемена настроения, резкий поворот от безудержного разгула да веселья к вихревой, яростной, громовой сечи – лишь там в полную силу проявлялась доблесть гусара. Поэтический слог его легок, звонок, раскован.

Бурцов, ёра, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради Бога и... арака
Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава Богу,
Не великий господин.
Он – гусар, и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны куль овса.
Нет курильниц, может статья,
Зато трубка с табаком;
Нет картин, да заменятся
Ташкой с царским вензелем!

«Лихой гусар» Бурцов у Давыдова прежде всего «молодец» – приверженец Бахуса, острослов, бретер, но отнюдь не пошляк и пропойца. Когда же затрагивались честь и достоинство офицера, в особенности по отношению к слабому полу, безудержный повеса и острослов тотчас становился рыцарем. Кутежи в молодости Давыдова были столь же привычны, как и дуэли, на которых многие офицеры сложили свои буйные головы.

В стихах и песнях «поэта-храбреца» видна вся широта, удаль и непосредственность русской природы, олицетворением которой являлся сам автор:

Нет, братцы, нет: полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!
Вы видели: я не боюсь
Ни пуль, ни дротика куртинца;
Лечу стремглав, не дуя в ус,
На нож а дротик кабардинца...

Год от года совершенствуя свой стих, пламенный гусар, в сердце которого неустанно колотился «никогда не дремлющий бес», то бишь поэтическое вдохновение, стал одним из первых талантливых создателей русской военной песни. Здесь у него не было «ни поддельников, ни подражателей». Возмужав и приобретя боевой опыт, Давыдов с годами почувствовал себя в поэзии столь же легко и свободно, как в седле любимого коня. Он умел в стихах и грустить, и едко иронизировать, и смеяться в полный голос, и шутить, и мечтать...

Пусть не сабельным ударом

Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я!
Пусть среди кровавых боев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!
Пусть мой ус, краса природы,
Черно-бурый, в завитках,
Иссечется в юны годы
И исчезнет, яко прах!

Разудалые гусарские песни и стихи Давыдова рождались из самой жизни, словно буйное, пенистое, искристое вино из гроздей винограда.

«Набег» на фельдмаршала Каменского

*Мы оба в дальний путь летим, товарищ мой,
Туда, где бой кипит, где русский штык бушует...*
Денис Давыдов

День ото дня распалаясь, кровавая заря полыхнула над Западной Европой – французская армия во главе с Наполеоном Бонапартом покоряла одну страну за другой. На авансцену вышел новый повелитель мира – Бонапарт. Упоенный чредой громких побед, дерзкий и сумасбродный корсиканец приказал отчеканить медаль с изображением Вседержателя Бога и вокруг нее выбить слова: «Тебе небо, а мне земля!»

В один год рухнули плоды блистательных побед Суворова в Италии, прославившие на весь мир непобедимость и бесстрашие солдат русских.

Французы разгромили австрийцев под командованием генералов Мака и Вернека и заняли Вену. Голову триумфатора-Наполеона увенчала императорская корона, которую он торжественно возложил на себя в 1804 году. И честолюбивый корсиканец со своей армией двинулся далее, к русской границе.

Александр I не замедлил прийти на помощь австрийским союзникам. Он решил возглавить войска и нанести французам сокрушительный удар. План войны с Бонапартом разрабатывался австрийским штабным генералом Вейротером и заключался в перекрытии дорог, ведущих на Вену и Дунай, дабы посадить зарвавшихся французов в «мешок». Однако штабист не учел главного: Наполеон вовсе не робкого десятка, он не бежит от превосходящего численностью противника, а искусно лавирует и наносит сокрушительные удары в самые уязвимые места. А таковых немало оказалось на линии дислокации австро-русских войск. Главнокомандующий же русскими войсками М. И. Кутузов фактически был устранен.

Перед решительным сражением Наполеон еще раз продемонстрировал Европе свое великолепное актерское мастерство. Он прикинулся слабым и немощным перед русским царем Александром I. В подтверждение этого Бонапарт послал своего генерал-адъютанта Савари с предложением о перемирии. Савари должен был также передать Александру I пожелание своего императора о личной встрече. Если царь не сможет повидаться с Бонапартом, то пусть он не сочтет за труд прислать к нему доверенное лицо для переговоров. Узнав о таком повороте дела, русский штаб возликовал, а легковерный Александр меж тем уже в тайне праздновал победу! Мудрые суждения любимца солдат Кутузова, который вовсе не советовал доверять сильному

и коварному врагу, при дворе осмеяли. Словом, царь просто-напросто пренебрег предостережениями опытного и мудрого полководца.

2 января 1805 года, ровно через год после коронации Наполеона, на холмистом заснеженном поле вокруг Праценских высот, западнее деревни Аустерлиц в ста двадцати верстах к северу от Вены, произошло генеральное сражение. Одно из самых значительных по своему ожесточению, жару и кровопролитию во всемирной истории. Наполеон подоспел к месту битвы раньше своих противников, тщательно изучил местность и заранее предусмотрел многие грядущие перипетии. Ночь перед боем император провел с солдатами у костров, вселяя в их души спокойствие и уверенность в победе. Гвардейцы любили своего Маленького Капрала, беззаветно верили ему.

Наполеон, руководящий битвой с ее начала и до самого конца, устроил для русских генералов коварную ловушку. Он заранее предвидел, что войска под руководством Александра I в союзе с австрийцами будут во чтобы то ни стало стремиться отрезать движение его армии от дороги к водам Дуная, намереваясь окружить французов и уничтожить их или отогнать к северу, в горы. Как только русские войска двинулись, дабы сокрушить левый фланг армии Наполеона, последовал мощный внезапный удар французов на Праценские высоты. Русские воины были опрокинуты и прижаты к полузамерзшим прудам. Праценские высоты захватил неприятель. Сотни солдат утонули в прудах, многих посекала картечь. Лишь части кавалергардов удалось вступить в неравный бой с конными гренадерами французской армии. Кавалергарды проявили чудеса героизма на поле кровавой битвы.

Наполеон восхищался храбростью русских солдат и был удивлен тем, сколь растеряно и бездарно вели себя генералы, в особенности командующий левым крылом русских войск генерал Буксгевден. В довершение трагедии австрийский император Франц и русский царь Александр I бежали с кровавого поля сражения задолго до его позорного завершения. Пышная свита монархов мгновенно рассыпалась в разные стороны, бросив своих господ на произвол судьбы.

Под Аустерлицем австрийцы были разбиты наголову. А для Наполеона вновь возшло нестерпимо яркое «солнце победы». По сему торжественному поводу он обратился к своим солдатам с горячим воззванием: «Воины! Вам достаточно будет упомянуть: я участвовал в битве под Аустерлицем, и сразу же воскликнут: вот храбрец!».

Однако не следует забывать (и сами французы неоднократно упоминали это): в той яростной битве, в столь тяжкий для русских солдат день особенно отличились кавалергарды. Все как один они полегли на поле брани, но своей удалью и беспримерным героизмом спасли честь русской гвардии.

Под сумрачным, казалось бы насквозь пронизанным мраком и холодом, небом Аустерлица Россия горько расплачивалась за отсталую, заимствованную у Пруссии палочную военную систему.

В это время поступил приказ о переводе Давыдова из Белорусского армейского гусарского полка в лейб-гвардейский гусарский полк, стоявший в Павловске, близ Петербурга.

Жизнь новоиспеченного лейб-гусарского поручика текла там ладно и весело: «... у нас было более дружбы, чем службы, более рассказов, чем дела, более золота на ташках², чем в ташках, более шампанского (разумеется, в долг), чем печали...»

Весть о поражении под Аустерлицем мгновенно долетела до Петербурга. Павловские гусары бурно и горячо обсуждали события в Европе. Денис Давыдов получил горестное известие о том, что брат Евдоким, сменивший статскую службу на военную, тяжело ранен: пять сабельных ударов, одно пулевое и одно штыковое. Потеряв сознание на Праценских высотах, он попал в плен к французам. И лейб-гусарский поручик стремглав понесся из Павловска в

² Гусарская ташка – кожаный карман на мундире гусара с золотым украшением.

северную столицу, страстно желая во что бы то ни стало поступить в действующую армию. Однако повсюду он получал отказ за отказом. И Денис решился на поступок неслыханной дерзости: в четыре часа пополудни он надел парадный мундир, набросил шинель на плечи и помчался разыскивать Офицерскую улицу. Там в гостинице «Северной» остановился главнокомандующий армией фельдмаршал граф Каменский. Столь неурочный час Давыдов выбрал неспроста: дни напролет, с утра до позднего вечера, Каменского атаковали толпы знакомых и незнакомых людей. Одни хлопотали о своих родственниках, другие просили высочайшего разрешения перевести их из штабов ближе к действующей армии, третьи страстно мечтали как можно скорее «порубать саблями да понюхать пороху».

С великим трудом поручик пробрался по темной, скудно освещенной ночниками лестнице на третий этаж и замер в коридоре гостиницы, у дверей 9-го номера, который занимал фельдмаршал.

От друзей Давыдов был наслышан о строптивом нраве Каменского, но несмотря ни на что решил ждать здесь до утра, дабы стать его первым посетителем.

Внезапно дверь распахнулась, и перед неподвижно застывшим поручиком возник ветхий, сухонький старичок в халате. Голова его была повязана белой тряпкой, в руках он держал потухший огарок свечи. То был сам фельдмаршал.

Увидев офицера, замершего у дверей, Каменский в нерешительности остановился и строго спросил хриплым голосом:

– Кто вы таковы?

Поздний гость назвал себя.

– К кому вы пожаловали?

– К вашему сиятельству.

– Так, так...

Каменский окинул подозрительного незнакомца с ног до головы жестким, презрительным взглядом. Невысокий стройный гусар был в голубых рейтузах и шитом золотом красном ментике.

– Виноват, ваше сиятельство, но у меня не было иного выхода. К вам на прием невозможно пробиться. Трижды пробовал – не получилось!

– И вы решили штурмовать меня в четыре утра... Как такое могло прийти вам в голову?! Как вам удалось миновать охрану?

– Виноват. Прощмыгнул старым казацким способом. Дозволите ли мне, ваше сиятельство, изложить просьбу?

– Следуйте за мною!

Давыдов из уважения к главнокомандующему хотел было остановиться, но тот грозно приказал:

– Нет уж, пожалуйста сюда!

Каменский воткнул свечу в подсвечник и напрямую спросил гусарского поручика:

– Что вам надобно?

– Ваше сиятельство, прошу немедленно отправить меня в действующую армию!

– Да что за напасть такая! – граф Каменский вскипел, поднял глаза к потолку и стал расхаживать по спальне. – Все просят сей же час в действующую армию! Всякий молокосос! Вконец замучили меня бесконечными просьбами! Да еще штурмуют мой номер в четыре утра!

– Я – гусар!

– Ну, конечно, гусар... Как же иначе! Да кто же вы таковы, наконец? Ваше имя?

Непрошенный гость еще раз повторил свое имя:

– Денис Давыдов.

– Какой Давыдов? Ба! Постойте, постойте... Неужто вы сын Василия Денисовича?

Поручик утвердительно кивнул.

– Как же! Как же! Знавал Василия Денисовича. Легкоконным полком командовал в Полтаве...

– Так точно, ваше сиятельство. Но я по собственной воле.

– О, какой горячий! Весь в отца... Кстати, где нынче Василий Денисович?

– Он бригадир в отставке. Живет в имении Бородино.

– Бородино! Это, кажется, где-то под Москвой?

– Точно так, ваше сиятельство. В ста верстах от Первопрестольной.

Фельдмаршал смягчился, начал говорить с участием, поименно перечисляя родственников Давыдова:

– Василий Денисович храбрый генерал. Да и покойного деда твоего, Дениса Васильевича Давыдова, тоже знавать довелось. Знатный был вельможа. Богатую библиотеку имел. И с другим твоим дедом, по материнской линии, генерал-аншефом Евдокимом Алексеевичем Щербининым, тоже довелось быть накоротке...

– Вот видите, ваше сиятельство! – воскликнул с радостью Давыдов.

– Ну хорошо, любезный! – одобрил главнокомандующий. – Нынче же буду просить тебя с собою. Расскажу государю все: и как ты ночью умудрился тайком прошмыгнуть ко мне в гостиницу, и как караулил у дверей моего номера, и как я тебя принял... – уж прости меня, старика! – за неблагонамеренного человека... За сущего разбойника!

– Простите, ваше сиятельство, меня великодушно, что побеспокоил вас в столь неурочный час.

– Нет, нет, не винись, юный Давыдов! – возразил Каменский. – Напротив, это мне приятно. Это я люблю. Вот что значит ревность неограниченная, горячая. Тут душа, тут сердце. Я это чувствую, ценю... Прощай!

В обратную дорогу Давыдов пустился, словно на крыльях, он считал себя уже командующим эскадроном, чуть ли не победителем Наполеона, и с нетерпением стал ждать решения государя.

На другой день Петербург прослышал о смелом набеге поручика на главнокомандующего. В доме фаворитки императора, красавицы Нарышкиной, только и разговоров было, что о дерзком наскоке юного гусара на строптивного старика. Чрезвычайный поступок Давыдова очень возвысил его в глазах этой всевластной женщины. Друзья дивились его неслыханной отваге и пророчили ему успех. Однако к великому прискорбию Давыдова, государь (видимо, припомнив крамольные басни юного кавалергарда) не счел возможным уважить просьбу фельдмаршала.

Узнав от Каменского о категорическом отказе государя, Давыдов помрачнел и совсем было отчаялся. Но вскорости по горячему ходатайству родственников и друзей (особенно действовали на царя радушные и настоятельные рекомендации Нарышкиной) сбылась заветная мечта гусара: попасть на войну. Он получил назначение адъютантом к любимцу солдат князю Петру Ивановичу Багратиону, который отправлялся в действующую армию. От счастья «не кровь, а огонь пробежал по его жилам», а голова «оборотилась вверх дном».

Один из самых верных и преданных учеников Суворова, командовавший авангардом русской армии и прославившийся в знаменитом Итальянском походе, генерал Багратион крепко усвоил заветы великого полководца. Того же он требовал от своих солдат и офицеров. Недаром Суворов ставил Багратиона на самые трудные участки боевых действий, туда, где требовались храбрость, смекалка и выдержка. Темное грозное облако, нависшее было над буйной головой Дениса Давыдова, рассеялось, поручик воспрянул духом – о лучшем в ту пору он и мечтать не мог.

Боевое крещение

*Мне бой знаком – люблю я звук мечей;
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.*

А. С. Пушкин

По прибытии из Петербурга в Восточную Пруссию, в штаб действующей армии, Давыдов направился к генералу от кавалерии Беннигсену, самодовольному кабинетному начальнику из немцев, и вручил ему пакеты. Беннигсен возглавлял в ту пору русские войска. В штабе Денис Васильевич повстречал многих петербургских знакомых. Они плотным кольцом окружили новоиспеченного адъютанта Багратиона и забросали его вопросами: что нового в северной столице?

– Глупый ты человек, – выслушав Давыдова, сказал ему знакомый по Петербургу офицер Шинкарев. – Ну и занесло же тебя, в самое пекло! Дорого бы я дал, чтобы сей же час возвратиться домой. Ты еще не испытал, что такое война, потому и лезешь на рожон. Вот погоди немного, скоро понюхаешь пороха, попляшешь на сыром ознобном ветру, поголодаешь неделю-другую, – каково-то тогда запоешь?

Давыдов горячо возразил:

– Я наперед знал, куда и зачем еду. Ведь там, где воюют, нельзя и искать удовольствий. Война – не похлебка на стерляжьем бульоне.

– Да видал ли ты, поручик, как казака в бою саблей надвое разрубает?!

– Черт не попутает, свинья не съест! – отшутился Давыдов. – За Отечество и голову сложить почетно.

– Все это сущая блажь, поручик: слава, ордена, почести... А я вот в рукопашной не раз дрался да по кровавому, дымному полю среди мертвых и калек ползал. Быстро протрезвел. Запомни: не все то золото, что блестит...

– Знамо дело, – кивнул Давыдов и пропел:

То ли дело средь мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадешь,
И не думая о ней!

– Что верно, то верно, Давыдов. А ну, спой-ка еще что-нибудь! Лихо у тебя получается... Кто знает, может, завтра и встретиться боле не доведется...

– Что ж, послушай:

Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят...

Или лучше вот эту:

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем – рубиться молодцами,
Вечером – горилку пить.
Станем, братцы, вечно жить

Вкруг огней, под шалашами! —

вполголоса затянул Давыдов.

На другой день он купил себе доброго коня и отправился догонять передовые части армии под командованием генерала Багратиона.

Молодого офицера волновало все, что он видел вокруг себя и строящиеся полки пехоты, и нетерпеливый топот копыт, и ржанье коней, и артиллерия, готовая к бою, и стук пушечных колес, и зов полковых труб, и бой барабанов...

Накануне выступления армии в поход он несказанно обрадовался: «Наконец-то я попал в родную стихию!» Но когда взору Давыдова представилась картина настоящей войны, которую он увидел на равнине недавно остывшей Морунгенской битвы, где русские войска под командованием генерала Маркова понесли урон, его пыл и восторг заметно поубавились.

Пред ним предстала равнина смерти, с посеченной картечью конницей, с горами мертвецов... Неподвижные тела солдат отверстыми, тусклыми очами глядели в небо. Однако им не суждено уже было ничего увидеть вокруг себя. Тела воинов были разбросаны и обезображены в пылу страшного и грозного пира. Мрачный вечер наводил синеватую бледность на недавно еще столь пылкие лица. Поутру, перед битвой, тут еще бушевали страсти, играли надежды, сияли ясные очи, не ведающие горечи поражения.

— Ну что, храбрый гусар, ты по-прежнему столь же неколебим и тверд духом? — спросил Давыдова Шинкарев.

— Не до веселья мне...

— Выходит, сознание твое помутилось... Ты спасовал, Денис?

— Никоим разом! Я верен присяге, я слуга Отечества! Буду с честью воевать до победы.

— Ну что ж, — усмехнулся Шинкарев. — Юн — с игрушками, а стар — с подушками...

— Не понимаю тебя, Яков? Поясни!

— Поймешь, когда повоюешь с мое, когда вдоволь понюхаешь пороха!

Впоследствии Давыдов не раз вспоминал этот разговор с Шинкаревым после кровавой Морунгенской битвы.

Багратион, квартировавший в просторном доме немецкого поселенца, радушно принял Давыдова. На голове генерала возвышался картуз из смушки, он кутался в бурку, из-под которой выглядывала шпага. Шпагу эту, дар Суворова за доблесть, проявленную в Итальянском походе, Багратион хранил как зеницу ока и не расставался с ней до конца жизни.

Свита князя одевалась тепло, но вовсе не нарядно. Поначалу это удивило Давыдова, а спустя несколько часов он и сам из-за жгучих крещенских морозов, свирепствовавших на дворе, тоже облачился в полушубок.

Страдные январские дни 1807 года русская армия, части которой были растянуты и ослаблены, под непрерывным натиском войск Наполеона медленно отступала к прусскому городу Прейсиш-Эйлау. За время службы военной Давыдову пришлось быть свидетелем многих бед и беспорядочных отступлений, но никогда и нигде не довелось видеть ничего подобного. Кавалерийские и пехотные колонны постоянно сталкивались с обозами и артиллерией — это затрудняло движение войск.

Вместо того чтобы разрядить гнетущую обстановку четкими приказами, генералы ругали друг друга и стремились поскорее проскочить со своими частями наиболее опасные места. Солдаты падали наземь от голода и усталости. Орудия и повозки застревали, цепляясь в пути за корни деревьев, и канониры с бранью рубили их, чтобы без препятствий следовать далее. На людей это производило гнетущее впечатление: «... ночь, лес, снег по колено. Неприятель на фланге!» Наконец передовые цепи казаков, улан и гусар объединились и сосредоточились неподалеку от деревеньки Вольфсдорф. 24 января — день, который до самой смерти запомнится

новоиспеченному адъютанту Багратиона полными риска, погони и драматизма сшибками с французами. Давыдов принял здесь боевое крещение.

На рассвете неприятель стал атаковать полки Багратиона, стоявшие в арьергарде и прикрывавшие главные силы армии.

Страстно желая поскорее расстрелять заряды своих пистолетов, Давыдов попросил дозволения у Багратиона объехать передовые цепи казаков: «Хочу вести наблюдение за продвижением врага».

Князь не замедлил дать согласие, и его адъютант на рысях поскакал туда, где клубился дым и гремели выстрелы.

Выстроившись полуколемном, казаки вели неторопливую перестрелку с фланкерами³.

Пылкий адъютант на рысях поскакал вперед, решив нанести урон авангардной цепи неприятеля и во что бы то ни стало отличиться в бою. Минут через десять Давыдов был уже вблизи фланкеров. Присмотрев в стороне офицера в синем плаще и высокой медвежьей шапке, он задумал пленить его и начал подбивать на это казаков:

– А что, братцы, чем черт не шутит! Если навалимся разом всем скопом, ей-богу, возьмем француза!

Однако охотников на столь рискованный поступок среди казаков не нашлось. Тогда Давыдов, охваченный безрассудной лихостью, один поскакал к офицеру и выстрелил в него из пистолета. Неприятель ответил ему тем же. Над буйной головой адъютанта Багратиона просвистел рой пуль, выпущенных фланкерами из карабинов. Тут Давыдов почувствовал себя «окуранным порохом», выхватил саблю из ножен, отчаянно взмахнул ею над головой и стал вызывать офицера на поединок перед цепью, крича и ругая его. Но тот, усмехаясь, не трогался с места. Хладнокровный француз не решался связываться с молодым запальчивым русским.

В этот момент к горячему адъютанту подскочил могучий, косая сажень в плечах, казачий урядник и малость охладил его пыл:

– Что вы бранитесь, ваше благородие? Грех! Сражение – святое дело, ругаться в нем – то же, что ругаться в церкви. Пропадете в бою ни за грош. Ступайте-ка лучше туда, откуда приехали!

Как ни странно, но эти простые и верные слова бывалого казака образумили Давыдова, он повернул коня вспять и поскакал в штаб к Багратиону.

Вскоро князь послал его с поручением по линии огня к егерскому полку, который занимал недалекий лесок:

– Передай мой приказ егерям. Пусть немедленно оставляют позиции и отступают к Дитрихсдорфу. Там для арьергарда вторая позиция. Спешите! Не то француз окружит их и сомнет!

Давыдов вновь очутился на передовой линии, отыскал егерей и с честью выполнил приказ Багратиона.

На обратном пути к штабу он глянул возле леска по сторонам и приметил того самого могучего казачьего урядника, который своими разумными суждениями удержал его от легкомысленного поступка. По-прежнему стремясь как можно скорее поразить неприятеля, он подъехал к уряднику и указал на горстку французов:

– А что, брат, если б ударить?

Казачий урядник посмотрел на французских стрелков, прикинул и, оценив сложившуюся обстановку как весьма благоприятную, поддержал на сей раз Давыдова:

– Отчего же нет, ваше благородие! Их здесь немного. С ними теперь можно справиться. Давеча мы были далеко от пехоты, ну а теперь близко. Значит, есть кому поддержать нас.

³ Фланкеры – передовые стрелки.

– Ну так води своих казаков! – крикнул ему разгоряченный Давыдов. Он рванул саблю из ножен и, припав к вострянутой, дымящейся гриве лошади, дал шпоры. Конь всхрапнул, оскалил зубы, нервно и отчаянно пошел в галоп. – А я примусь подбивать гусар и улан!

Собралась порядочная партия храбрецов и с криками «Ура-а-а!» устремилась на врага. Впереди с саблей наголо скакал Давыдов. Выгнув спину, напружинившись, привстав на стременах и припадая разгоряченным лицом к холке коня, он несся на врага. Французы засуетились и сгруппировались, увидев, как быстро и напористо скачет впереди всадник с блестящей в руке саблей. Давыдов всем сердцем чувствовал, что расчет его теперь верен: неприятель будет смят и разбит. Когда подоспели казаки, завязалась жаркая сеча, посыпались сабельные удары – словом, пошла потеха!

Французы не ожидали столь яростной рукопашной атаки русских, дрогнули и начали отступать.

Преследуя по пятам фланкеров, казаки, уланы и гусары в азарте погони не заметили, как из леса выдвинулись резервы неприятеля и ударили по атакующим.

Теперь французы застали партию врасплох – то были драгуны с конскими хвостами, трепещущими на гребнях шлемов. Грянула пальба, засвистели пули над головами – завязалась горячая перестрелка. Однако силы были неравны, и на сей раз русские вынуждены были повернуть назад, к Дитрихсдорфу.

Когда Давыдов скакал один ложиною (как ему казалось, в полной безопасности, ибо драгуны отстали), внезапно впереди показались французские конные егеря. Увидев их, Денис дрогнул и стремглав пустился прочь.

Шесть егерей устремились в погоню за ним. Один, намереваясь пленить лихого гусара, на скаку ухватился рукой за полу его шинели и чуть не стащил всадника с седла. К счастью, шинель, оказавшаяся застегнутой лишь на одну пуговицу у горла, распахнулась и осталась в руках француза. Давыдов пошатнулся, но чудом удержался в седле.

Далее новая беда – лошадь его получила ранение, пала на колено, однако тут же вскочила и захромала. Меж тем адъютант дал ей шпоры и во весь опор продолжал скакать к своим. Скакал он до тех пор, пока взмыленный конь с пеной у рта не подвернул ногу о коварную кочку, пока не дрогнул всем телом и не рухнул со всего маху замертво, провалившись по брюхо в топкое заснеженное болото. Давыдов перелетел через голову коня, сжавшись на лету, точно рысь, в тугой комок, и грохнулся оземь. Перевернулся на бок, вскочил и, мигом собравшись духом, выхватил саблю из ножен, изготовился к бою. Французы, чувствуя за собой силу, нагло и выжидательно посматривали на пылкого молодого гусара. Еще секунда-другая – и смерть или плен были бы неминуемы. Боевое крещение Давыдова могло завершиться весьма печально. Но, на его счастье, в эти критические минуты из-за ближнего холма с криками «Ура-а-а!» и громким посвистом выскочили двадцать добродонных казаков. Обнажив сабли, казаки набросились на егерей и погнали их прочь. Адъютант Багратиона был чудом спасен от верной гибели.

Четверо французских конных егерей полегли в той жаркой сече.

Подавив дрожь от смертельной опасности, Давыдов вздохнул с облегчением и преклонил голову перед спасителями.

– Жарковато пришлось, ваше благородие? – спросил его казачий урядник.

– Куда как горячо! Ненароком чуть в плен не угодил.

– Бывает... Горячность – в бою помеха! Здесь завсегда твердый расчет нужен...

– Ну, спасибо тебе, братец! Век не забуду.

– Не стоит благодарности, ваше благородие. Все мы тут под Богом ходим.

Давыдов глянул в сторону дремучего леса. Старый бор был по-прежнему темен и тих, свято хранил тайны и, казалось, вовсе не заметил жаркой сечи, разыгравшейся только что в нескольких саженьях от него.

«Дым, пальба, гибель людей, кровь, падение коня, внезапное громовое „Ура-а-а!“, стоны раненых и этот замшелый глухой бор, живущий своей зеленой, сторонней и тайной жизнью», – все это еще раз пронеслось в сознании гусара и потрясло его до глубины души.

Давыдов пересел на лошадь из-под убитого егеря. Весь в снегу, болотной грязи и кровавых подтеках, сияющий прискакал в штаб.

Багратион соколиным взглядом окинул с ног до головы своего brave адъютанта и со вниманием выслушал рапорт.

– Потерять в бою коня для гусара небольшой грех, – сказал князь. – Куда страшнее потерять оружие и честь. Но с этим, адъютант, я вижу, у вас все, слава Богу, обстоит благополучно. Хвалю за службу!

– Благодарю вас, князь, хотя вряд ли я достоин похвалы... Француз, бестия, шинель на скаку сорвал.

– Ничего-ничего, – ободрил Давыдова Багратион. – Шинель – дело наживное. С самим Суворовым случилось однажды подобное. В сражении с турками под Кослуджи.

– Александр Васильевич рассказывал нам.

– Как?! Вы были знакомы с Суворовым, адъютант? Позвольте! Вы же еще столь молоды?! Каким образом?

– Однажды полководец побывал в нашем доме после смотра маневров войск Екатеринославского корпуса... На званом обеде... Дело было в Полтавской губернии, в селе Грушевка. Мой отец командовал там первым легкоконным полком. И знаете, князь, Суворов тогда предсказал, что я выиграю три сражения...

– Ну что ж? – добродушно рассмеялся Багратион. – Первое, будем считать, уже за вами...

– За мной?.. Только вот вопрос: кто выиграл?

– Не беда, адъютант, – улыбнулся Багратион. – За одного битого двух небитых дают – так, кажется, любил говорить Суворов? Вместо сорванной неприятелем в бою шинели дарую вам свою бурку. Бурка эта со мною во многих походах побывала. Дымом окурена, порохом опалена... Она не раз спасала меня от жестоких морозов в Альпах.

– Благодарю вас, князь! Век буду служить вам верой и правдой.

– Не мне – Отечеству служим, гусар!

В пучине жарких сражений, в пылу яростных атак

*Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут...*

Николай Языков

После боевого крещения под Вольфсдорфом Денис Давыдов постоянно находился на переднем крае. Русская армия вынуждена была отступать, избегая крупных столкновений с французами, то и дело атаковавшими наш арьергард, которым командовал Багратион. Князь искусно маневрировал, сдерживая натиск неприятеля и давая тем самым возможность подтянуться и соединиться главным силам армии, разбросанным по ухабистым зимним дорогам.

«Арьергардные бои тяжелы, полны лишений. Солдаты и офицеры наши терпели постоянную нужду в самом необходимом, – вспоминал один из боевых друзей Давыдова, служивший вместе с ним в те страдные дни. – Для Давыдова да и всех нас было привычным делом впроголодь ночевать в лесу или же на берегу реки, часто под дождем или снегом. Нередко мы коротали ночь в опустевшей избе, рухнув поздним вечером от усталости на пол, не раздеваясь. Не хватало соломы для биваков и дров для разжигания костров. Необходимо было довольствоваться тем малым, что Бог послал, дабы переносить все тяготы и лишения».

Видя неуклонное падение воинского духа в армии, барон Беннигсен решился наконец дать генеральное сражение французам при Прейсиш-Эйлау. На подмогу русским поспешил корпус прусского генерала Лестока. Сражение началось в полдень 26 января 1807 года и продолжалось до одиннадцати часов вечера 27-го, с коротким перерывом на ночь.

Небо над городом было хмурое. Порывистый стылый ветер крутил поземку. Наполеон поднялся на холм в центре большого кладбища и оттуда руководил боем. Сюда, в самое логово врага, Беннигсен направил свои отборные полки. Русские войска ошеломили французоз и заставили их отойти назад. Бонапарт, презирая смертельную опасность, пристально следил за ходом боя и не раз восхищался мужеством русских воинов: «Вот это отвага! Что за храбрецы!» А заснеженная земля сплошь была завалена трупами. И над всей этой гибельной битвой, в вихревой бешеной пляске гуляла неусыпная пурга.

Наполеон намеревался, удерживая главные силы русской армии с фронта, корпусами войск маршалов Нея и Даву обойти их с флангов, окружить и уничтожить. Однако замысел императора не удался. В сражении при Эйлау обе стороны несли урон беспрецедентный.

... В одну из стремительных атак неприятеля русская пехота была отеснена с занимаемых позиций. Видя это, Багратион приказал Давыдову: «Скачи-ка, братец, немедля к главнокомандующему! Проси подкрепления кавалерией!»

Давыдов застал Беннигсена в штабе. Генерал от кавалерии сидел в кресле и спокойно обозревал разложенную на столе карту. Адьютант Багратиона четко доложил ему обстановку. Выслушав недовольное брюзжание барона и получив наконец дозволение, Давыдов увлек за собой первый же попавшийся на глаза кавалерийский полк и помчался к своему арьергарду. Тем временем неприятель уже вошел в Эйлау и на улицах города закипел жаркий бой, то и дело переходя в рукопашный. Давыдов разыскал Багратиона в опаснейшем месте. Князь наблюдал за ходом баталии и хладнокровно отдавал приказы.

Адьютант оставался при князе на протяжении всего сражения, однако повсюду – в седле ли, на коротком привале при свете бивачного огня – улучал минуты, чтобы кратко, беглыми словами заносить в свою памятную книжицу достойные внимания перипетии боев.

Французы дважды овладевали городом и дважды вынуждены были отступить. В самый критический момент, когда кавалерия неприятеля пробилась через боевые укрепления русских, барон Сакен струсил и приказал войскам отходить. Но князь Багратион обнажил саблю и, взяв на себя командование войсками центра, увлек солдат за собой. Завязался рукопашный бой, тот лихой, жестокий и полный азарта бой, в котором нет равных солдату русскому!

Неожиданной контратакой французы были смяты и отброшены. Корпус маршала Ожеро понес большие потери.

Давыдову надолго запомнилось то морозное январское утро... Заснеженное кровавое поле. Повсюду – трупы солдат. К спасительному темнеющему вдаль лесу в панике бежали французы в голубых мундирах. Казаки внезапно врывались в расположение неприятеля, крушили его саблями и столь же внезапно, как появились, исчезали.

В яростном кровопролитном сражении при Прейсиш-Эйлау ураганный натиск противника разбился о стойкость, отвагу и беспримерное мужество наших солдат под командованием не ведавшего страха князя Багратиона.

Необычайно малый нос Давыдова дал в те жаркие дни князю Багратиону повод к добродушной шутке. А дело обстояло так... Как-то гусар Давыдов явился в авангард к князю с рапортом: «Главкомандующий приказал доложить вашему сиятельству, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступить». На сие Багратион усмехнулся и преспокойно отвечал: «Неприятель у нас на носу? На чьем? Если на твоём, так он близко, а если на моём, то мы успеем еще отобедать».

На другой день, едва город окутала темень, сражение прекратилось. На улицах горели дома. Отблески пожаров освещали серые от усталости лица солдат.

Солдаты русские находились по-прежнему в боевой готовности и ожидали приказов. Но командование обеих сторон пребывало в нерешительности: возобновлять ли поутру бой на том же месте или отступить и дать воинам передышку?

Узнав об огромных потерях своих войск, Наполеон счел сражение поигранным и решил отступить. Миф о непобедимости великого корсиканца был развеян. Его храбрые маршалы захотели мира. Брат Наполеона Жозеф просил его в своем слезном письме смириться. Однако барон Беннигсен упредил Бонапарта: трусил и отдал приказ об отходе русской армии к Кенигсбергу.

Беннигсену говорили, что нельзя упускать победу, завоеванную столь дорогой ценой. Однако надменный барон оставался непреклонен. Он предоставил французам весьма важную и спасительную возможность собраться с духом и оправиться от крепкого потрясения.

Два года спустя император Франции в беседе с русским послом графом Чернышевым заявил: «Я был назван победителем под Эйлау потому только, что вам угодно было отступить».

За доблесть, проявленную в этом сражении, Дениса Давыдова представили к ордену Святого Георгия с белою по обеим сторонам финифтью, учрежденному императрицей Екатериной II для «награждения отличных военных подвигов и в поощрение в военном искусстве».

Наполеон не предпринимал до поры решительных действий, выжидая, когда его армия залечит тяжелые раны, полученные под Эйлау и когда ее ряды пополнят свежие резервы. Продовольствием и фуражом его войска снабжали пруссаки, подписавшие недавно выгодную для французов капитуляцию крепости Данциг.

2 июня 1807 года, спустя четыре месяца после Эйлау, у Фридлянда, в Восточной Пруссии, грянула новая битва. Накануне Беннигсен избрал для русской армии неудачную оборонительную позицию в форме дуги. Дуга эта лежала в пойменной долине, огибая город. Тылы русских ограждали берега реки Алле; это ограничивало маневренность войск.

Давыдов следил за перестрелкой, завязавшейся на заре. Под прикрытием густого тумана русские grenadiers забрались на колокольню и первыми доложили о приближении французов.

По правую сторону дуги расположились войска князя Горчакова, а по левую – Багратиона. Готовясь к битве, князь предвидел, что и на этот раз его полкам придется принять на себя главный удар, поэтому заранее просил у Беннигсена подкрепления.

Но вот grenadiers заметили с колокольни Наполеона. В треуголке и парадном мундире он скакал на белом коне в окружении пышной свиты, останавливался, обозревал в подзорную трубу окрестности и говорил, улыбаясь:

– О, сегодня счастливый день! Сегодня годовщина победы при Маренго!

Французы открыли по нашему левому флангу оружейный огонь. Русские воины рассредоточились и двинулись вперед.

Наполеон величественно поднял руку и, указав маршалу Нею на скопление войск Багратиона и на Фридлянд, приказал:

– Вот ваша цель! Ступайте туда немедленно. Ворвитесь в самую гущу во что бы то ни стало! Войдите в город, берите мосты и не беспокойтесь о том, что будет происходить кругом вас. Я и армия моя здесь, чтобы бодрствовать над вами!

Воины Нея выстроились в шеренги и по сигнальным выстрелам лавиной выкатились из-за леса.

Пушкари встретили французов ураганом картечи.

Неся большие потери, неприятель отступил. Воспользовавшись замешательством в стане врага, Багратион послал вперед кавалерию. Всадники с саблями наголо врезались в колонны французов, смяли их и обратили в бегство. Вслед за кавалерией двинулась пехота.

Расстроенные на первых порах колонны неприятеля были усилены свежей гвардией, возглавляемой закаленными в боях ветеранами. Французы оправились от потрясения.

Маршал Ней приказал артиллерии открыть огонь – и на русскую пехоту обрушилась картечь из тридцати шести орудий.

Наши пушки, растянутые в боевую линию, не могли ответить неприятелю должным образом. Пехотинцы дрогнули и стали отступать. Лишь полки под командованием Багратиона стойко удерживали свои позиции. Сюда, на левый фланг, Ней направил шквальный огонь всех своих батарей. Ничто – ни грозные приказы командования, ни дерзкие вылазки в стан неприятеля отчаянных храбрецов – не могло удержать отступавшего и таявшего с каждой минутой русского войска. Тогда Багратион обнажил саблю и воскликнул:

– Ребята, вспомните Суворова! Не выдайте! Умрем, как умирали наши братья в Италии! Вперед!

Генерал прошел перед солдатами и двинулся на врага. Батальоны москвичей бросились вслед за ним. Воины сгрудились вокруг любимого полководца, заменяя тех, кто падал за смертью под градом картечи. Однако никому из них так и не суждено было дойти до неприятельской батареи. Арьергард наш поредел и оказался прижатым к стенке. В досаде и гнев Багратион приказал:

– К реке!

Доблестно и бесстрашно защищали солдаты ворота города. То была последняя, отчаянная и смертельная ошибка русских с французами на этом фланге.

Остатки корпуса grenadiers отходили через шаткий мост на другую сторону Алле. Пехотинцы запалили дома города, дабы затруднить неприятелю преследование. Потрясенный и раненный Беннигсен думал теперь только о спасительном бегстве. Наши войска отступали поспешно, гибли от пуль, тонули в реке...

Оценив обстановку как весьма благоприятную, Наполеон отдал приказ о начале общего наступления – и на улицах Фриндлянда закипела жестокая сеча.

Для русских солдат оставался один удел: либо штыками пробить себе путь, либо сложить голову. В жаркой рукопашной схватке они задержали французов, а сами тем временем начали стягиваться к реке. Однако ближние мосты оказались разрушены. Пока солдаты Багратиона из последних сил сдерживали натиск неприятеля, во все концы были посланы офицеры на поиски брода. Вода в Алле вскипала от сотен бросавшихся в нее и плывущих солдат. И тут адъютант генерала Уварова объявил: «Брод найден!» Войска устремились к переправе.

Наступила долгожданная передышка.

Давыдов, не успев остыть от боя, решил взглянуть на дымящийся и пылающий город. Поблизости от него упала и с грохотом разорвалась граната. Засвистели осколки. Лошадь одного гусара, словно ужаленная осой, в бешенстве скакнула в сторону. Оглушенный и осыпанный землею с головы до ног, офицер чудом удержался в седле. Когда пальба утихла, Давыдов увидел его бледное окровавленное лицо: от ран гусар едва держался на коне.

– Какого эскадрона? – спросил Давыдов.

Гусар чуть слышно пробормотал:

– Шестой эскадрон. Николай Пегов.

Видя страдальца на грани смерти, Давыдов живо вспомнил свое боевое крещение под Вольфсдорфом, когда казаки в самый опасный момент выскочили из ближнего леса и спасли ему жизнь. Не раздумывая, он спрыгнул на землю, привязал повод коня гусара к шее своего Цыгана и двинулся к реке.

На берегу Алле гусар в беспамятстве повалился к ногам лошади. В дыму пороховом адъютант Багратиона отстал от своего полка. Нагнувшись с пологого берега, он зачерпнул в пригоршни холодной воды и омыл ею окровавленное лицо раненого. Гусар вздрогнул, приоткрыл глаза.

– Будьте столь милостивы, не бросайте меня, – взмолился несчастный. – Конь у меня добрый и кроткий. Отведите меня к своим.

Меж тем жители Фридлянда выскакивали из охваченных огнем домов с криками о помощи, а русские войска отступали.

– Садись-ка, молодец, на коня! – решил ободрить страдальца Давыдов. – Я помогу тебе!

Гусар с трудом поднялся на ноги. Одной рукой взяв поводья, другой помогая раненому просунуть ногу в стремя, Давыдов едва не упал наземь от одного его неловкого движения.

– Спасайтесь! – крикнул пробежавший мимо солдат. – Француз близко!

Направляясь к переправе через Алле, артиллеристы везли на конях пушки. Давыдов спросил у раненого:

– Как, Николай? Может, останешься при артиллерийском обозе? – и прибавил с участием: – Ведь на пушечном лафете куда покойнее, чем в седле.

Пегов несказанно обрадовался предложению своего спасителя. Давыдов тотчас же остановил артиллериста и горячо попросил:

– Будь милостив, братец! Возьми под свою опеку раненого офицера и его лошадь!

Бравый усач-артиллерист согласно кивнул в ответ и помог Давыдову снять гусара с коня. Они постелили попону на лафет и положили на нее Пегова.

– В случае если гусару потребуется какая-либо помощь, – сказал Давыдов артиллеристу на прощание, – пусть разыщет адъютанта Багратиона Дениса Давыдова.

Свой долг перед страдальцем он выполнил с честью и помчался на рысях догонять полк.

В сумерках все смолкло. Пробирающийся до самых костей ветер нагнал темные тучи, хлынул дождь. Солдаты в овраге решили запалить бивачные костры, которые шипели от мокроты и отчаянно дымили. Трудно было заснуть в ту промозглую ночь. Стужа ломала кости. Гусары кутались в шинели, сушили обувь и обогревались у тощего пламени. Разговоры не вязались, каждый думал свою нелегкую думу.

По вине бездарного и медлительного барона Беннигсена войскам Наполеона при поддержке «густой массы чугуна и свинца» удалось одержать при Фридлянде победу.

Русская армия, потеряв более двадцати пяти тысяч убитыми и ранеными, вынуждена была отступить к Неману. Однако, несмотря на тяжелый исход битвы, стойкость и доблесть наших солдат восхищали даже иностранцев.

Английский посол, лорд Гутчистоп, донес о сей жесточайшей баталии своему правительству следующее: «Мне недостает слов описать храбрость русских войск. Они победили бы, если бы одно мужество могло доставить победу. Офицеры и солдаты исполняли свой долг самым благородным образом. В полной мере заслужили они похвалу и удивление каждого, кто видел Фридляндское сражение».

«Русский солдат привычен ко всем переменам погоды и нуждам, к самой худой и скудной пище, к походам днем и ночью, к трудным работам и тяготам. Солдаты храбры и возбуждаются к славным подвигам, преданы своему государю, начальнику и Отечеству, набожны, но не омрачены суеверием и терпеливы. Природа одарила их самыми лучшими способностями для военных действий; штык есть истинное оружие русских, храбрость их беспримерна», – писал о Фридлянде другой англичанин, Вильсон.

За доблесть, проявленную в битвах с французами на земле Восточной Пруссии, Денис Давыдов удостоился золотой сабли с надписью «За храбрость». За боевые заслуги в заграничном походе командование представило его к почетному прусскому ордену «За достоинство».

О майн либе!

*Бывали ль вы в стране чудес,
Где, жертвой грозного веленья,
В глуши земного заточенья*

Живет изгнанница небес?
Денис Давыдов

Русская армия под начальством барона Беннигсена, насчитывавшая около восьмидесяти тысяч человек, отступала с боями по прусской земле. Близ малого селения Шлотен французы атаковали наши войска. Земля содрогалась от звона сечи. В решительные минуты боя князь Багратион выдвинулся вперед, дабы смять и опрокинуть неприятеля. Давыдов скакал рядом с храбрым полководцем. Упругий и статный, он справно сидел в седле на молодом дончаке и, гусарской саблею сверкая, разил улан. Яростная сеча длилась около часа. Внезапно французы дрогнули и попятились назад. Но тут разорвалось ядро и убило под Давыдовым лошадь, а сам он был легко ранен в ногу и контужен.

Удалого адъютанта Багратиона отправили на излечение в сельскую больницу, под опеку доктора Рольфа Винера. В молодости Винер жил и обучался в Москве и довольно сносно изъяснялся по-русски.

На дворе стояли солнечные майские дни. За окнами больницы шелестели ветвями цветущие вишни и яблони, а на клумбе подрагивали от порывов ветра белые ароматные нарциссы.

Взращенный среди лесов, лугов и полей Бородина, Давыдов более всего на свете любил простор и раздолье. Он часами смотрел на плывущие по небу перистые облака, на потолок и белые стены палаты, вел душеспасительные беседы с доктором Винером и, несмотря на все это, томился от скуки и мечтал как можно скорее подняться на ноги и снова стать в строй.

В то лучезарное утро гусар проснулся раньше обычного, сел к окну и принялся читать свои новые стихи:

Я на чердак переместился:
Жаль, выше, кажется, нельзя!
С швейцаром, с кучером простился
И повара лишился я.

Толпе заимодавцев знаю
И без швейцарца дать ответ;
Я сам дверь важно отворяю
И говорю им: «Дома нет!»

В дни праздничные для катанья
Готов извозчик площадной,
И будуар мой, зала, спальня —
Вместились в горнице одной.

Гостей искусно принимаю:
Глупцам — показываю дверь.
На стул один — друзей сажаю,
А миленькую ... на постель.

— Гутен морген, куссар Давыдофф! — в палату тихо вошла миловидная, с пышной русой косой за плечами, дочь доктора Винера Эльза и поставила на стол букет белоснежных нарциссов.

— Гутен морген... — проронил приятно удивленный гусар. — Благодарю вас за цветы!

— Как вы себя чувствует?

– Благодарю вас, хорошо, милая Эльза! Того же и вам желаю. А где же?... Где доктор Рольф?

– Мейн фатер, папа, он есть доктор, сегодня немного нездоров...

– Как странно! Не правда ли? – рассудил Давыдов. – Прежде я думал, что доктора никогда не болеют, а гувернеры знают все на свете.

– Это очень хорошо, куссар Давыдофф...

– Что хорошо?

– А то, что у вас возникло чувство юмор.

– О да! – улыбнулся гусар.

– Мой фатер, доктор... Он говорит мне, когда у больной возникает юмор, – это очень хорошо! Зер гут! Значит, дело идет на поправку!

– Да я и сам это чувствую... С каждым часом и каждым днем...

– Зер гут!

– Знаете, Эльза, меня словно распирает сегодня от любви и юмора. Послушайте-ка:

И что ей наш земной восторг,
Слова любви? Пустые звуки!
Она чужда сердечной муки,
Чужда томительных тревог.

Из-под ресниц ее густых
Горит и гаснет взор стыдливый...
Но отчего души порывы
И вздохи персей молодых?

Был миг: пролетная черта
Скользнула по челу прекрасной,
И вспыхнули, ланиты страстью,
И загорелися уста.

Но этот миг – игра одна
Каких-то дум... воспоминанье
О том небесном обитанье,
Откуда изгнана она...

– Это плохо! – сказал Эльза. – Зер шлехт, куссар Давыдофф!

– Что – плохо?

– Мне нельзя слушать такие стихи, – девушка заткнула уши. – Мне только шестнадцать!

– Помилуйте! Да когда ж их еще и слушать?! – возразил Давыдов. – Шестнадцать лет – самое время! Прекрасное безоблачное время!

– Что прекрасно, куссар Давыдофф?

– Что ваш фатер, то есть доктор, как вы изволили выразиться, сегодня нездоров!

– Ваши слова несправедлив...

– Почему же? Ведь я просто хотел сказать, как хорошо, что доктор сегодня «немножко нездоров». И вместо него ко мне пришли вы...

– Отец сделал вам вчера перевязку? Как ваша нога?

Давыдов с большим трудом поднялся с кровати, попытался шагнуть, опираясь на больную ногу, но тут же громко вскрикнул и упал на пол:

– Ой! Ой! Ой! Бо-бо-лит!

– Насколько мне помнится, мейн фатер делал вам перевязку на правой нога, а здесь – левый...

– Неужто? Левая! Ах да, я, право, запомнил... – тут же согласился с Эльзой Давыдов.

– Все нормально, – осмотрев раненую ногу, сказала Эльза. – Зер гут! Я должна вас порадовать, господин Давыдофф. Скоро вас выпишут...

– Странно... Довольно странно, Эльза! Какая-то метаморфоза! Пять минут назад мне хотелось выскочить из окна и убежать поскорей из этой белой и опрятной тюрьмы-больницы в свой полк, к гусарам:

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарский,
С вами век мне золотой!

– А сейчас такой желаний пропал? – испытующе посмотрела на него Эльза.

– Признаться, есть еще. Но мое желание становится все меньше и меньше. Тает, как глыба льда в жаркий день. Ведь вам всего лишь шестнадцать. А мне уже двадцать два... Я старик!

– Ничего, ничего... «Молодость – единственный недостаток, который с годами проходит», – так говорит мой фатер.

Внезапно Давыдов схватился за голову:

– Да я не об этом...

– Что такой?

– Что-то голова кругом идет...

– Это от запах цветов на столе, – забеспокоилась Эльза. – Хотите, я сейчас же выброшу за окно этот букет?

– Нет-нет, пусть цветы стоят в вазе. Это так приятно. Пусть голова идет кругом! Это очень хорошо!

– Хорошо, что голова идет вокруг шеи? – пожимает в недоумении плечами Эльза. – Как это? Я не так вас поняла, куссар Давыдоф?

– Да почти что так. А знаете, Эльза, я ведь, кажется, сегодня влюблен...

– Когда кажется, то крестятся, – так говорят у вас в Россия.

Денис Давыдов встал с постели и троекратно перекрестился:

Я часто говорю, печальный, сам с собою:
О, сбудется ль когда мечтаемое мною?
Иль я определен в мятежной жизни сей
Не слышать отзывы нигде душе моей?

– Ничего-ничего, это быстро проходит, – Эльза кокетливо взмахнула руками. – Вы же поэт! А у поэтов все быстро проходит – грусть, рана, любов...

– Вы смеетесь надо мной?

– Ничуть. Все проходит. И любов – тоже. Как это вы изволили сказать по-русски: «Как глыба льда в жаркий день».

– Да ведь это всего лишь сравнение...

– Сравнение... Хорошо – плохо, горячо – холодно...

Давыдов печально качает головой:

– Плохи мои дела: у вас, Эльза, философский склад ума. Поэтам с такими девушками весьма трудно.

– Трудно? Ничего подобного, как говорит мой фатер, на поэтов оказывает расслабляющее влияние запах цветов, а на меня – стихи...

Давыдов рассмеялся и оживился:

– Правда?! Да вы, Эльза, – сказка! Нет, я хотел сказать – загадка!

– От стихов я таю... – Эльза потупила большие серые глаза. – Да-да, как та глыба льда... И очень даже могу совершить, как это... необдуманный легкомысленный поступок!

– Серьезно?! Вот уж чего бы я никогда не подумал. Я всегда считал, что на такое способны ветреные барышни только в Москве.

– В Москве? – улыбнулась Эльза. – Москва – это очень далеко от нас.

– Да, не близко...

– Поэт Давыдов – это не география. Поэт – это чувство.

– О Эльза! Эльза! – воскликнул Давыдов и вполголоса запел:

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и иступлений
И мимолетных сновидений,
Не возвращай, не возвращай!
Не повторяй мне имя той,
Которой память – мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной...

Давыдов так увлекся, что совсем забыл про больную ногу. Он встал на табуретку. Эльза прижалась к нему и тоже забралась на табуретку. Внезапно лица их оказались рядом... Гусар обнял и крепко поцеловал девушку. Но в этот миг дверь распахнулась и быстрой походкой в палату вошел доктор Рольф Винер в белом халате.

От неожиданности Эльза присела и вскрикнула: «Майн фатер! О ужас!»

Давыдов едва не упал с табуретки... и опустил глаза.

Доктор печально качнул головой.

– Фатер... Ну зачем вы явились, доктор Рольф, так не вовремя?!

– Позвольте узнать, гусар Давыдоф! Но ведь вы... вы же у нас немножко болен?

– Мне сегодня гораздо лучше!

– Я вижу, гусар Давыдоф, наше лечение пошло вам на пользу, улыбнулся доктор. – В далекой молодости я имел практику в Москве...

– Фатер! – вскрикнула Эльза – Представьте себе. И мы тоже только что вспоминали о Москве...

– Вижу, вижу... – усмехнулся отец. – И на эта табуретка забрались, наверное, чтобы поглядеть на далекая русская столица?

– Конечно, но не только это... – вставил словцо Давыдов.

– Мне понятно: гусар Давыдоф взбирался на высоту, чтобы испытать больная нога Но ты? Ты, Эльза, каким образом оказалась там?

– Сама не знаю...

– Сестра милосердия, юная девиц, оказывается на табурете рядом с раненым гусар, которому вчера сделали перевязку. Дочь не знает, что отвечать своему фатер?!

– Знает, доктор Винер, – заступился за Эльзу Давыдов. – Просто она робеет...

– Что такое за слово – ро-бе-ет? Я не знаю. Но тем более. Тут, на табуретка, даже сестра милосердия не может объяснить свой необъяснимый поступок?!

– Но, фатер... вы же сам изволил сказать, что он необъясним...

– Но тем хуже, – все более распаляясь, вопрошал доктор. – Каким образом сестра милосердия попал на табурет в объятия горячий гусар? Доннер веттер!

– О фатер! – как бы спохватившись, отвечала Эльза. – Просто мы... хотел проверить, сможет ли завтра куссар Давыдов сесть на коня.

– Ну и как? Как, по-твоему? – рассмеялся отец. – На мой взгляд, испытания имел успех!

– Вы правы, как всегда, доктор! – радушно улыбнулся гусар. – Весьма удачно!

И тут доктор, сменив гнев на милость, по-настоящему развеселился.

– Вот и хорошо! Вот и прекрасно! Ладушки-оладушки! Так, кажется, говорят у вас в России?

При этих словах Винер несколько раз хлопнул в ладоши. Дверь отворилась, и в палату вошла дородная немка средних лет с лошадиным лицом.

– Вот, гусар Давыдов, ваша новая сиделка, фрау Брунгильда! – представил вошедшую даму доктор. – Прошу, как говорится, любить и жаловать!

Оглядев с ног до головы раненого гусара, фрау Брунгильда изрекла громким грудным голосом:

– О майн либе!

От столь неожиданного приветствия Давыдов смутился и опустил голову.

– Но ведь это же... Это же, доктор... – с негодованием вскричал Давыдов. – Гренадер в юбке!

– Гренадер? – лукаво усмехнулся доктор. – Это то, что вам сейчас необходимо. Фрау Брунгильда – вдова. И, кстати, тоже очень любит поэзия!

– О майн либе! – воскликнула фрау.

От этих слов Давыдов вздрогнул и с мольбой в голосе обратился к доктору:

– У меня к вам, Рольф Карлович, одна маленькая просьба.

– Просьба?! Что за просьба?

– Не разрешите ли вы мне остаться в одиночестве, без сиделки?

– Ни в коем случае. Вы не просто раненый или больной. Вы – поэт! А у поэтов всегда... как это по-русски теплый? Нет, очень горячий голова!

– О майн либе! – вновь подала голос фрау Брунгильда.

Не на шутку испугавшись возгласов сиделки, Давыдов покорно лег в постель, накрылся одеялом и поинтересовался:

– А эта милейшая фрау еще что-нибудь знает, кроме этого несносного «О майн либе!»?

– По-русски она не знает, – пояснил доктор. – Но фрау Брунгильда знает много другого... весьма полезного. Скажем, военных эпизод из практика ее покойного мужа. Он был смел и решителен: пух-пух! Настоящий артиллерист!

– О, нет-нет! – взмолился Давыдов и тотчас же вскочил с постели. – Премного благодарен фрау Брунгильде! И вам, доктор Винер, за заботу о бедном гусаре... Я вполне здоров и чувствую себя превосходно!

– Ну что вы, гусар Давыдоф! Не стоит благодарности. Это мой долг. Долг врача и... несчастный отец этой ветреной юный созданий!

Давыдов, напевая, стал танцевать с Эльзой вокруг злополучной табуретки шуточный семейный танец с пением – гротеск.

На прощание все обнялись.

Зыбкий Тильзитский мир. Предсказание судьбы Бонапарта. Близость военной грозы

О храбрые враги, куда стремитесь вы?

Отвага, говорят, ничто без головы...
Денис Давыдов

После Фридлянда русские войска прикрывали отход армии к Тильзиту и защищали переправу через Неман. Князь Багратион послал Давыдова к Беннигсену с донесением о расстановке корпусов неприятеля и приказал также передать главнокомандующему важный пакет. В дороге Давыдов случайно повстречал майора Эрнеста Шепинга, служившего при главном штабе.

Адъютанту Багратиона довелось знать майора прежде, еще по Петербургу, и посему он поинтересовался:

– Что нового, Шепинг?

– Новое то, – насупившись, отвечал важный щеголеватый майор, – что я везу письмо от Беннигсена Багратиону. Главнокомандующий предписывает князю выйти через меня на связь с французами и предложить им перемирие. Приступаем к переговорам о мире. Прощай!

Эта весть потрясла Давыдова, как гром средь ясного неба. Ему горько было слышать, что главнокомандующий русской армией просит у французов мира, так и не отомстив им за недавнее поражение.

Прибыв на главную квартиру, адъютант Багратиона увидел там панику и замешательство, коих не встречал даже среди отступающих, смертельно усталых и голодных солдат. Ему показалось, что у Беннигсена сложилось неверное представление об упадке воинского духа в армии, в особенности ее арьергарда.

Давыдов хотел лично доложить главнокомандующему об истинном положении дел в войсках, сказать, что атаки французов день ото дня слабеют и настает самая благоприятная пора для того, чтобы перейти в наступление и свести счеты с неприятелем.

Молодой гусар застал в главном штабе весьма разнообразное общество: тут были военные и гражданские чиновники, а также англичане, шведы, пруссаки... Ему сказали, что Беннигсен отдыхает, но через час-другой его превосходительство соизволит пожаловать в залу. Чтобы скоротать время, Давыдов вышел на улицу взглянуть на переправу войск через Неман и на приготовление к поджогу моста. Здесь он увидел знакомого штабного офицера и решил посоветоваться с ним о своем намерении доложить главнокомандующему об истинном положении дел в армии. Но щуплый офицер из немцев тотчас же резко изменился в лице и замахал руками: «Нечего тебе соваться не в свое дело». Однако это ничуть не охладило пыл гусара.

Вскоре Давыдов со свойственной ему решительностью и горячностью прорвался к Беннигсену, передал ему пакет от князя и сказал об удовлетворительном состоянии арьергарда.

Главнокомандующий выслушал адъютанта Багратиона со вниманием и даже с некоторым удивлением. Задал ему ряд вопросов. Многое оказалось для Беннигсена неожиданностью. Вскоре аудиенция закончилась, и надменный барон молча отпустил Давыдова.

После ряда поражений русские войска продолжали отступать к Неману. Наша пехота, артиллерия и конница с трудом преграждали путь полчищ Наполеона к границам России.

За это время в русский арьергард прибыло «подкрепление» – несколько полков башкир, вооруженных луками и стрелами.

Русские и те из французов, которые впервые узрели «грозных» башкир, встретили их улыбками.

Вскорости Давыдов стал очевидцем довольно забавного случая.

После одной ожесточенной перестрелки был пленен французский подполковник. Причем матушка-природа одарила его носом громадной величины. Превратности войны «пронзили этот нос стрелой насквозь, но не на вылет». Словом, стрела застряла в носу.

Подполковнику помогли слезть с лошади и усадили его на землю, дабы избавить от опасного «украшения».

Лекарь вынул из своего чемоданчика пилку с намерением поскорее перепилить стрелу и облегчить муки страдальца.

Несколько солдат и стрелков-башкир обступили лекаря.

И надо же такому случиться: в тот момент, когда лекарь приступил к делу, один лысый башкир с узкими карими глазами признал свою стрелу и мертвой хваткой вцепился в руки медика.

– Нет-нет, бачка! – вскричал башкир. – Я не дам резать стрелу мою...

– Как это твою? – возмутился лекарь.

– Не обижай, бачка, не обижай! Я лучше тебя знаю свою стрелу...

– Так что же ты хочешь? – пуще прежнего гневался лекарь.

– Это моя стрела, я сам ее выну...

– Что ты задумал? – накинулись на него солдаты. – Каким образом ты вынешь стрелу?

– Да, бачка, очень просто! Возьму за один конец и вырву вон. Стрела будет цела!

– А нос? – спросил лекарь.

– А ног? Что нос? Черт возьми этот нос!

Солдаты, давась от смеха, тотчас же силой отогнали сумасбродного и настырного башкира.

Меж тем плененный француз, не зная русского языка, все же догадался, о чем идет речь, и с мольбой обратился к лекарю за помощью.

Вскоре грозное орудие смерти благополучно перепилили, и громадный нос подполковника восторжествовал!

Через несколько дней после встречи с Беннигсеном Денис Васильевич с прискорбием наблюдал, стоя среди офицеров в главной квартире, за визитом французского парламентаря Луи Перигора. Перигор пожаловал из приграничного городка Тильзита с миссией о перемирии.

В торжественной обстановке парламентарь вручил главнокомандующему письмо от маршала Бертье. Причем за время этой тягостной для русского командования церемонии француз держал себя весьма надменно, «нос кверху», не пожелав даже снять с головы пышной медвежьей шапки, сославшись на воинский устав. Сам же барон Беннигсен и генералы его свиты учтиво улыбались, обнажив и почтительно склонив головы перед наглым молодым французом. Все это вызвало бурю негодования в душе патриотически настроенных офицеров, ибо, по их единодушному мнению, не могло идти речи о мире между императором Бонапартом, преступно обогрившим руки в крови многих европейских народов, и законным русским государем. «Если бы мы сбили тогда шапку с головы Перигора, – с горькой иронией вспоминал об этом визите Давыдов, – из головы Наполеона вылетело бы несколько статей мирного трактата. Дело было в шапке».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.